

"Славия. Дилогия (СИ)"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Александр Белый

Славия. Рождение державы

Пролог

Взрыв был громким и сопровождался оглушительным треском. Панели стен фасада здания вывалились наружу, оголив толстую арматуру, а плиты перекрытия лопнули. Они опасно накренились и вот-вот готовы были рухнуть вниз.

В одном из номеров отеля, на восьмом этаже, седой мужчина присел в углу, склонил голову и накрыл ее руками. Он со страхом и удивлением глядел сквозь закопченный провал исчезнувших стен на огромный диск проснувшегося солнца и потрясающе красивую гладь лазурного моря.

По Европе неслась очередная волна террористических актов, и непримиримым исламистам было глубоко наплевать на эту красоту.

Евгений Акимович Каширский, пенсионер шестидесяти четырех лет, прожил жизнь интересную и насыщенную событиями. Вырос в семье без отца – тот, будучи летчиком, когда-то погиб во Вьетнаме. Но в школе Евгений безалаберным не был, учился хорошо и с детства был приучен к труду. Даже в институте, обучаясь по специальности «Технология машиностроения», умудрился устроиться на полставки лаборантом на кафедру станков и инструментов, где успешно проработал до самой защиты диплома. И не просто проработал, а досконально изучил все металлорежущее оборудование так, что мог настроить гитару зубчатых колес любого станка, знал, как изготовить и заточить любой инструмент, как термически обработать ту или иную деталь. А копии дедова нагана изготовил лично в двух экземплярах, от заготовки до действующего образца. Правда, поковки делали вдвоем с Колькой, лаборантом «кузнецов».

Были предложения остаться на кафедре и поступить в аспирантуру, но научная деятельность Евгения не привлекала, хотелось живой работы, поэтому, получив диплом, он распределился мастером механического цеха на один из химкомбинатов, где до призыва в армию успел проработать почти целый год.

В институте военной кафедры не было, и пошел Женя Каширский на все полтора года рядовым бойцом мотострелкового подразделения. Но вскоре комбат разобрался, что к чему, и задвинул его в мехмастерскую, где парень очень скоро сделался фактическим хозяином.

Вместо дембеля, уже в звании старшины, отправился на три месяца в спецшколу, готовившую офицеров запаса из числа военнослужащих, прошедших срочную службу и имеющих высшее образование. Но и отсюда домой не попал, вспомнил, что род его от дедов-прадедов сплошь военный, захотелось повоевать.

С каждым годом Афган перемалывал все больше и больше наших ребят. И лейтенанта Каширского пуштинская пуля тоже не миновала. Пардон, американская, точно такая же, как и та, которая когда-то убила его отца. За два месяца в госпитале Женю излечили полностью, но комиссовали подчистую. И отправился он домой, на радость разволновавшейся маме. На родном химкомбинате его как мастера-производственника встретили с распростертыми объятиями.

Евгений Акимович дураком не был, уже через девять лет стал главным механиком этого

крупного предприятия, но в период очередного передела советского наследства воевать не стал, взял маленькую долю, плюнул на жадное руководство и свалил. С обыкновенными бандитами еще можно было договариваться, но с новой формацией государственного рэкета – накладно. И правильно сделал, ибо вскоре половина старой команды пошла под нож. В прямом смысле этого слова.

Сколотил бывший главный механик небольшую бригаду и отправился на заработки в Польшу, по приглашению одного из обосновавшихся в тех краях школьных друзей, и там подрядился смонтировать голландскую мини-электростанцию. Заказчикам из Нидерландов работа понравилась, и те предложили совместный бизнес. С тех пор пошло-поехало, он с небольшой своей фирмой объездил полмира. Посетил Ливию и Эмираты, Центральную и Южную Африку, Бразилию и Чили.

Евгений Акимович по природе своей был человеком гибкого ума, но весьма консервативных взглядов. Первое с детства заставило развиваться деятельную натуру, что позволило достичь неплохих результатов в бизнесе, а также определенного положения в обществе. Второе – родовая черта характера: если уж сложилось в голове какое-то положительное или отрицательное мнение по какому-либо вопросу, то убедить Евгения в обратном было непросто. Отсюда и привязанности: ну не желал он менять свои привычки!

Так сложилось – Евгений Акимович оказался человеком одиноким. Прожив в браке восемнадцать лет, развелся с супругой по причине, в которой виновным себя не считал, и все последующие двадцать два года больше не женился, привык жить один. Дети стали взрослыми, он передал им свой бизнес, связи и отошел от дел. То есть передал дочери, так как сына к делам его строительной фирмы совершенно не тянуло, тот вместе с друзьями создал совместную русско-американскую компанию, что-то связанное с программным обеспечением, и жизнью был вполне доволен.

Женщины, конечно, скрашивали одиночество Евгения Акимовича, и он их тоже любил – вплоть до сегодняшнего дня. Но все же единственной отрадой для души были внуки и Лиз, которая очень хорошо к нему относилась и называла не иначе как папа Жан.

За пять лет до официального выхода на пенсию (продолжалось это и четыре года после ухода на заслуженный отдых) он приспособился отдыхать в маленьком курортном испанском городке. Точно так же, как много лет подряд в середине января ежегодно ездил на отдых в Карпаты, в один и тот же санаторий. А в начале августа он прилетал сюда.

С парижанкой Мари и ее дочерью Лиз Евгений Акимович познакомился девять лет назад. Имя Евгений по-французски звучит совсем иначе, но что он мог поделать? Представившись Женей, стал Жаном на всю оставшуюся жизнь. Встречались они в таком составе три раза в год: один раз – здесь, один раз – в Киеве и один – в Париже.

Евгений Акимович только что вернулся с привычной утренней пробежки по берегу моря, принял душ, надел на голое тело банный халат и начал бриться. Звук взрыва больно ударил по ушам, высокое зеркало, перед которым он стоял, от деформации стены лопнуло и разлетелось мелкими осколками. Спасло то обстоятельство, что все годы, начиная с детства, Евгений вел здоровый образ жизни, долго занимался тайским боксом и, несмотря на возраст, был в хорошей физической форме. Кроме того, когда-то друзья затащили его на спецкурс по поведению VIP-лиц во время покушений, а также по их защите. Некоторые упражнения он повторял с завидным постоянством.

Прошли годы, но навыки и вбитая в подсознание моторика не пропали. Как только брызнули кусочки стекла, Евгений резко присел, нырнул в дверной проем и выкатился в угол спальни. Там, где он только что стоял, уже лежали большие куски стены, и открылся новый выход в коридор.

Евгений Акимович приподнялся, смахнул грязной ладонью капли крови с порезанного осколками зеркала лица и осмотрелся. Из коридора валил дым, видно, начался пожар. Собрать вещи оказалось некогда, поэтому, захватив с комода мобильный телефон и портмоне с документами, кредитками и наличными деньгами, он устремился к выходу. Надо было успеть вытащить Мари.

Их номера были смежными, с возможностью посещения друг друга, но переход оказался заблокирован обвалом, и ему пришлось выбежать в коридор к парадному. Их дверь после взрыва была перекошена и разлетелась от одного удара ногой. Сквозь плотную завесу пыли краем глаза удалось зафиксировать какое-то движение... Ужас... из-под бетонной плиты торчали подрагивающие в последних конвульсиях ноги Мари. Этот педикюр она делала вчера вечером. Все. Ей не поможешь.

- Прости, Мари... Лиз! Лиз! Где ты?! - закричал он. Из ванной комнаты донесся стон.

Четырнадцатилетняя девочка, одетая в трусики и топик, лежала без сознания на кафельном полу с неестественно вывернутой ногой в окружении битого щебня, в луже воды, фонтаном бьющей из лопнувшей трубы. Захватив валявшийся тут же халат, он аккуратно завернул Лиз и взял на руки.

- Прощай, Мари, - сказал, смахнул скупую мужскую слезу и, не оглядываясь, поспешил на выход.

У двери заметил и подобрал сумочку, в которой Мари хранила документы, мобильники и всякую мелочь, затем выглянул в коридор и ринулся направо, к ближайшему выходу. Добежав до поворота, на секунду остановился - картина не радовала. Эпицентр взрыва находился где-то в этом крыле, но на пару этажей ниже. Огонь бушевал не только под разрушенным лестничным маршем, он охватил всю правую часть здания с шестого по девятый этаж. Ниже седьмого этажа спуститься оказалось невозможно, нужно было перебираться в левое крыло.

Евгений Акимович еще издали увидел, что взрыв произошел и в этом крыле, но лестница оказалась неразрушенной, и по ней, толкаясь и громко крича, бежали люди. С облегчением вздохнув, крепче прижал к груди Лиз, очнувшуюся из-за боли в поломанной ноге, и поспешил дальше. Пришлось перебираться через куски бетона, кирпич, груды мусора.

- Папа, папа, мне бо-о-ольно. Папа, где маман?

- Сейчас, сейчас, золотко, мы выберемся, и все будет хорошо.

Неожиданно, метра за три от входа на лестничную площадку, его нога попала в какую-то щель, пол вроде бы как провалился, он споткнулся и упал. Падая, подтянул девочку левой рукой на себя и провернул корпус правее, чтобы принять Лиз на грудь и не уронить на камни.

Боль накатила ужасная. Почти теряя сознание, наклонился и посмотрел на ногу: произошел сдвиг плит, она была зажата между ними и придавлена. Закон подлости - вот выход, но без посторонней помощи управиться невозможно. Оглядевшись вокруг, ужаснулся еще больше: плита перекрытия осталась без левой опоры и висела над головой, удерживаемая в воздухе

непонятно какой силой.

Что-то Лиз в нем такое поняла, если, лежа на груди, перестала плакать и причитать, ее глаза на вымазанной слезами и пылью рожице расширились от страха.

- Сеньоры! Сеньоры! - хрипло закричал он по-испански бегущим вниз по лестнице людям. - Помогите!

Некоторые посматривали в его сторону, но большинство даже внимания не обращали. Евгений Акимович подумал, что здесь, в отеле, проживают иностранцы, которые местный язык не понимают, поэтому и не слышат. Он стал просить и кричать на других известных ему языках: нидерландском, английском, французском, португальском, даже на африкаанс, который тоже знал неплохо (в свое время пять лет довелось поработать в ЮАР). Но народ по-прежнему катился потоком вниз, даже не пытаясь остановиться.

- Ползи, девочка, туда, - громко зашептал он. Вытащил из кармана халата свои портмоне и телефон, переложил в дамскую сумочку, нацепил Лиз на шею через плечо и подтянул ремешок под мышку, чтобы случайно не свалилась. - Запомни, пароль доступа к синей с золотом кредитке - это дата рождения твоей мамы, только набирается в обратной последовательности. Ясно?

- Да.

- Все, ползи. Ручками тянись.

- Нет! Папа! Не пойду без тебя.

- Иди!!! Твою мать, - перешел на русский, увидев, что девочка потеряла сознание, заорал во всю глотку и долго ругался матом, затем обессиленно прохрипел: - Суки, ребенка заберите... Господи!!! Не за себя прошу!!! Я уже пожил! Всегда куда-то бежал, на три жизни хватит! Господи!!! Спаси это дитя невинное...

Вдруг движение человеческого потока на лестничной площадке приостановилось, и в коридор выдавило двух молодых людей с небольшими сумками на плечах, в шортах и футболках с символикой «Спартак» - девушку и парня.

- Дед, не кричи, - сказал парень. - Все нормалек, сейчас поможем сойти вниз и тебе, и девчонке.

- Благодарю вас, ребята, но я уже пришел, - Евгений Акимович похлопал по сдавившей ногу плите, - вы ее с места не сдвинете. Девочку зовут Лиз, заберите ее и бегите. Не задерживайтесь. - Плита опасно нависла и могла рухнуть в любой момент. Он кивнул на потолок и прошептал: - С Богом, дети.

Молодые люди тоже подняли вверх головы, затем подхватили Лиз и потащились на выход, а он, опираясь на локоть, глядел им вслед.

- Господи, не должно быть места на Земле скотам, творящим сие, - сказал Евгений Акимович и откинулся на спину; услышав треск над головой, увидел отделившуюся и устремившуюся вниз плиту. Особо набожным он никогда не был, но, глядя смерти в лицо, подумал: «К сожалению, Бога мы вспоминаем только тогда, когда больше некуда бежать» - и за миг до небытия успел наложить на себя крестное знамение.

В пространстве абсолютной тьмы светилась маленькая искорка *сознания*. Кто оставил ее здесь? Кто имеет власть над временем и бытием?

Шли годы, десятилетия, века. Искорка росла в размерах, и в конце концов, превратившись в огромную звезду, ярко вспыхнула, окончательно поглотив тьму пространства.

- *Иди!* - Впервые за столетия светило *сознания* услышало громогласный *Голос*. - *Здесь та же река, тот же берег, только выше по течению. Делай, что должен!*

Часть первая

Здравствуй, новое время!

Глава 1

- Микаэль, ты жив? Лежишь лицом в песке и не шевелишься!

Я лежал на животе, уткнувшись лицом во что-то мягкое и горячее, словно действительно валялся на песке на пляже, а какой-то испанец тряс меня за плечи.

Боже мой! Неужели я жив?! Почему же лежу здесь до сих пор? Почему меня не забрала машина «неотложной помощи»? А они мне освободили ногу?

Попробовал подтянуть левую ногу - она нормально шевелилась и совершенно не болела.

- О! Вижу, жив, - опять услышал тот же голос. - Но в воде держался хорошо, молодец.

Башка разламывалась, сильно пекло плечи, по которым меня больно хлопал этот испанец. Наверное, получил ожог во время пожара? Не помню. И о какой воде он говорит? Ах, река! Но как меня из взорванного и горящего отеля могло выбросить к какой-то реке? По-моему, здесь не было никаких рек, только море. И этот *Голос*... да, *Голос* с большой буквы, эхо которого звучит в сознании до сих пор. И почему мне кажется, что я ожидал его бесконечно долго, словно не приходил в сознание много столетий? Но это ведь невозможно?

- Вставай, Микаэль. Если поторопимся, к вечеру будем в Малаге.

- Меня зовут Жан, - сказал и удивился: мой голос звучал незнакомо, и это испугало. С трудом разлепил веки и тяжело приподнялся на локтях. Взгляд сфокусировался, и перед глазами увидел свисающий с шеи на толстой суровой нити серебряный православный крестик. Странно, был у меня крестик - но золотой, и цепочка золотая. Неужели, пока лежал в отключке, кто-то подменил?

- У тебя есть второе имя? Хорошо. Считаю, мы уже дома, поэтому не буду скрывать и своего полного имени. Кабальеро Серхио-Луис де Торрес, к вашим услугам, сеньор. Да, а твое произношение, Жан-Микаэль, сейчас почти правильное.

Заколебал меня этот испанец с его никому не нужными аристократическими замашками. Учитель словесности нашелся!

Повернул к нему голову и увидел наголо остриженного оборванца-бомжа, парня лет семнадцати, не старше. У него на поясе висел вложенный в кожаные ножны неслабый тесак - клинок сантиметров тридцать. И где это он такой кухонный ножичек надыбал? Вот тебе и кабальеро! Видно, болен на голову, из дурдома сбежал, нашел уши травмированного человека

и мелет что попало. Но не это меня особо беспокоило. Оказывается, мы развалились на песке у приметной скалы, которая находилась справа от входа в отель. Только никакого отеля в округе не наблюдалось! И курортного городка не наблюдалось! Горы вдали возвышались прежние, и пляж имелся. И мыс, у которого любили купаться Мари и Лиз. Только выглядел он для светлого дня как-то странно, словно после прилива. Непонятно.

Резко подхватился, сел и, не поверив собственным глазам, еще раз осмотрелся: берег узнаваем, но совершенно пустынен. Что за ерунда такая?! Опустил голову и осмотрел себя. Мои глаза, глаза пожилого человека, увидели на себе такие же лохмотья, как и на неизвестно откуда взявшемся парне, словно это были обрывки смирительной рубашки; а дальше – мозолистые руки, израненные царапинами колени, сбитые ноги и некрупное тело мальчишки. Да, физически крепкое и накачанное тело не ребенка, конечно, но... совсем молодого пацана. Что же это такое?! Или я сам сбежал из дурки?!

Сердце гулко и часто застучало, а в ушах зазвенело, в голове что-то щелкнуло, я опять потерял сознание и свалился на горячий песок.

Михайло Каширский, молодой воин пятнадцати лет, ехал впереди ватаги по правую руку от родного отца в седле своей мышастой Чайки, четырехлетней кобылы благородных арабских кровей.

Брони давно сняли, и одет он сейчас был в перепоясанный долгополый зеленый, отделанный золотом жупан, желтую кучомку и желтые же сапоги. На поясе висела отличная индийская сабелька из дамасской стали, снятая в этом походе с мурзы, который в бою был зарублен лично им, а два великолепных иберийских пистоля, добытые в этом же бою и подаренные будущим тестем паном Чернышевским, торчали в седельных кобурах. А за плечи был закинут облегченный немецкий мушкет, который на сто шагов бил очень точно.

Восседал Михайло гордо, подбородок держал выше, чем положено по правилам этикета, и старался не обращать внимания на снисходительные взгляды и шутки отца – Якима Михайловича, полкового писаря [1] Гнежинского казачьего полка и есаула того же полка Войска его царского величества Запорожского, – отца покойной мамы, деда Опанаса.

Это был его второй поход. В первый он ходил в позапрошлом году, но тогда его особо в бой не пускали, воспитатель дядька Свирид хватал за шаровары и придерживал в тылу.

Правда, и боев серьезных в позапрошлом году не было. Так, погоняли слегка копченых, два раза татарский полон отбили, но прибытка большого не случилось. Впрочем, каждый казак по две души посполитых на своих землях осадил да на чинш перевел. Семейству же Каширских тогда достались вместе с долей деда Опанаса, который последние годы жил бобылем, двадцать четыре семьи хлопов. Те добровольно (злым языкам, которые говорят – добровольно-принудительно, верить не надо) согласились жить в селах у городка Каширы.

Сейчас же в отместку за нападение в новогоднюю ночь турецко-татарского войска на Сечь пан кошевой атаман Сечи Запорожской Иван Серко водил сводное войско на разор Бахчисарая.

Гнежинский полк официально не участвовал в войне, но под предводительством Якима Каширского собралось под три сотни охочих, в том числе и молодой казак полка – Михайло (в поход пошел с разрешения отца, конечно). Он даже искупался по уши в воде при переходе через Сиваш, чем заслужил уважительный кивок от старого заслуженного казарлюги пана

Степана Вырвиоко.

Вот здесь повеселились, да! Одних рабов освободили до ста тысяч, многие из них пожелали осесть на землях освободителей, в том числе и на землях у Кашир. Около трети домов Бахчисарая были греческие, и когда казаки в них врывались, очень часто забывали обратить внимание на православные молитвы хозяев. Были уверены: если живешь в мире с нашими врагами, значит, и сам заслуживаешь их участи.

Несмотря на то что Михайло получил два разрыва кольчужки, а также стрелу, влетевшую на излете в ягодицу с левой стороны, и резаную, но, хвала Богу, неглубокую рану правого бедра, он был счастлив. И добычу взяли знатную, старшина не один день делила. Отец даже отправил пана Андрея Собакевича, родного брата своей нынешней супруги, вперед – на целых семь дней раньше, со всеми вызволенными из татарского рабства хлопами, пожелавшими закрепиться на землях Каширских, и дюжиной возов добра и военных трофеев. Пусть там жена распорядится и встречает хозяина. А им придется подождать окончательного расчета среди генеральной старшины.

И вот разборки закончились, серебро распределили по седельным сумкам, и ставка кошевого атамана – городок на острове Чертомлык – давно осталась позади.

Пошли родные места, и казачьи обозы по пути следования друг за другом сворачивали в свои поместья и хутора. Наконец свернул в свои Черныши сосед пан Чернышевский. С ними остался лишь десяток ближних казаков, сопровождавших пана полкового писаря в родовое гнездо.

Шли налегке, с заводными лошадьми да полудюжиной вьючных. Через версту должны были показаться река Каменка и лесок, там уже начинались их фамильные земли.

Да, Михайло в походе неплохо прибарихлился. Не то чтобы он из дома выехал оборванцем, нет, он и тогда выглядел богато и достойно, все же боярич древнего княжеского рода. Но такого жупана и оружия, которое стоит целой деревни вместе с душами посполитых, у него еще не было. Главное, когда смотрели на него, всем становилось понятно, что перед ними удачливый казак, а все это добро взято в бою лично. Ибо нельзя красоваться в добытом чужими руками, иначе будет урон чести и загнобят собственные братья-товарищи.

Михайло улыбнулся про себя, вспоминая, как проезжал через Черкассы и Гнежин, а встречные молоденькие казачки показывали пальцами и громко шушукались:

– Глянь, глянь, какой молодой Каширенко казак гарный, – ясно, что все женщины удачливых любят.

Душа Михайлы от подобных слов и женского внимания переполнялась радостными чувствами. Ему хотелось выхватить сабельку, дать Чайке шенкелей и опять устремиться рубить головы копченым. А женский пол он полюбить успел не единожды и неоднократно. Но жениться совершенно не хотелось, и Любка Чернышевская ему не очень нравилась – слишком малая, конопатая и худая. Да куда денешься, если родители – закадычные друзья – просватали их с ее рождения. Но ничего, дворовые девки его давно всему обучили – Любка как попадет ему в руки, так после этого быстренько округлится. Ну и свадьба только через год, ей как раз исполнится четырнадцать с половиной. Михайло все-таки надеялся, что к этому времени она немного похорошеет.

Вот и лесок на берегу быстрой и глубокой Каменки. Командовавший казаками дед Опанас завернул караван в подлесок к месту обычной стоянки. Сегодня придется переночевать здесь, а завтра выйдут с рассветом и, глядишь, к обеду будут дома.

Вдруг раздался раскат грома. Неведомая сила ударила Михайлу в спину, вынесла из седла и зашвырнула в кустарник. Больно приложившись головой о землю, он, потеряв сознание, скатился вниз, к берегу, под широкие листья лопухов и папоротника.

Очнулся со связанными руками и ногами и торчащей во рту тряпкой. Сверху был прикидан ветками и листьями.

- Эй! Кто будет рыться во вьюках и седельных сумках, руки отрублю, - услышал знакомый голос, - серебра вам пан отсыпал достаточно, да и все, что в кошелях, - ваше. Боярича так и не нашли?

- Нет, пан Вацек. Да мы все видели: после выстрела он в реку свалился и утонул. Течение его давно к Десне утащило.

- Жалко сабельку, - послышался голос Вацека, старшего пахолка собаки Собакевича.

- Там и жупан знатный, - раздался чей-то новый голос.

- Какой жупан?! Недоставало, чтобы где-то выплыл чей-то жупан. А ну, быстро все одежды в костер! Трупы - в Каменку, а дальше - как пан сказал: ты, Мыкола, вместе с Яцеком везешь все оружие на Литву, кому продать - знаешь.

- Знаю, пан Вацек.

- А ты, Федька, берешь троих своих посипак и гонишь всех строевых лошадей на Московию. Сдашь нашему лошадику. И смотрите мне, зажилите хоть один талер, хоть одну деньгу или сбежите - пеняйте на себя, ваши семьи пойдут в рабство, и, как наш пан говорит, мир невелик, все друг друга знают, мы с вами обязательно встретимся.

- Да шо вы, пан Вацек, да как можно, пан Вацек, - зашумели голоса.

«Это точно, - подумал Михайло, - рано или поздно выпутаюсь и обязательно встретимся. Кишки выпущу всем, а брата моей мачехи повешу. Нет, разопну на воротах. Нет, посажу на кол...»

Через некоторое время стук множества копыт стал удаляться, все затихло, вечер превратился в ночь, и он уснул.

Тело занемело, голова болела, поэтому проснулся Михайло уже привязанным, лежа на крупе чужого коня. Так и путешествовали через перелески и овраги и, обойдя Черкассы стороной, через трое суток вышли к переправе через Днепр.

Есть не давали, только пить, зато он узнал, что жизни своей обязан висевшему на спине мушкету, который остановил пулю, а также своей дамасской сабельке и обшитому золотом жупану. Сколько за жупан можно выручить, они не знали, но кровянить его не хотели, а вот за сабельку были уверены - любой торговец серебро по весу отсыпет. А когда увидели бессознательного, но живого казака, то вспомнили, что даже смерд два талера стоит. С учетом того, что пан уже выплатил каждому по пять монет за выполненную работу, подлецы очень даже надеялись на дополнительный гешефт.

Продали его Ток-мирзе, предводителю банды людоловов, которые прятались в оврагах у Большой балки, за три монеты без права на выкуп. Сабелька потянула почти на три фунта

серебра, но сторговались всего на половину – двадцать две монеты, а за жупан заплатили восемь. «Продешевили, этот жупан по весу серебра продавать надо, а за сабельку – и золото не грех заплатить, – злорадно подумал Михайло и вспомнил, что пропадали, бывало, молодые красивые девки и здоровые, крепкие селяне, – так вот куда они могли пропасть! Ладно, доберусь до вас, собаки Собакевича, и будете жрать собственные потроха».

Михайло к пятнадцати годам не только получил хорошее военное образование, по приглашению отца его также обучали квалифицированные учителя – математике, алхимии и словесности. Наряду с обязательными – московским, белорусским и украинским диалектами славянского языка, а также польским, шведским и турецким языками, которые изучал с пяти лет и коими владел в совершенстве, – неплохо знал и крымско-татарское тюркское наречие. Поэтому все, о чем копченые говорили, понимал прекрасно.

К вечеру на стоянку притащили еще одного казака, который был вдупель пьян, и приковали к общей цепи, на которой уже сидели восемнадцать человек. Это был последний пленник. Еще до рассвета их загнали на плот и переправили через Днепр.

Первые два дня все пленники без исключения отведали нагаек, татары гнали их вперед, чтобы отойти как можно дальше в степь от возможного преследования.

Все прочие дни тянулись монотонно и уныло, народ, звеня цепями, все дальше и дальше шагал по пыльной, подгоревшей на августовском солнце степи. Банды, подобные этой, не ходили в военные походы. Это были шакалы и отщепенцы, которых не любили даже собственные родичи. Но Ток-мирза держал людей в строгости, поэтому в дороге девок никто не насильничал, и пленников голодом не морили – баландой кормили несытно, но нормально.

Михайло и второй казак, которого звали пан Иван Заремба, были обуты в добротные сапоги, поэтому дорога физически их не тяготила, в отличие от селян, шагавших по присохшей полыни, многие из них были совсем без обуви. Впрочем, ходить босиком они привыкли. Чумаки, например, ездили в Крым за солью только босыми.

Пан Иван, как выяснилось, был вдовцом. Пару лет назад удачно выдал двух своих дочерей замуж и с тех пор жил как перекасти-поле – то в сечевом курене, то в шинке.

– Дядько Иван, а куда нас ведут?

– Известно куда, в Кафу.

– Так нас что, сразу продадут?

– Хлопов продадут сразу всех, девок будут продавать поштучно, а нас нет, не продадут.

– А чего нас продавать не будут?

– Да где ты видел глупого торговца, который казака за пять-шесть монет в рабство отдаст, когда за него можно взять выкуп все двадцать, а то и сто или двести талеров?

– А если не привезут выкупа?

– Того не может быть, чтобы общество своего доброго брата-товарища казака не выручило. Ты не смотри, что меня выпившим копченые поймали, с каждым случиться может, я не пропойца какой-нибудь. И грошей у меня достаточно, в куренную общину положены, так что все добре будет. – Пан Иван немного помолчал и продолжил: – Разве что казака какого тати продали, без

права на выкуп, тогда да. Здесь все повязаны, и ни один купец рушить цепочку работорговли не будет. Ждет такого бедолагу вечная каторга.

- То и меня ждет, - молвил Михайло угрюмо и поведал свою историю.

- Говоришь, Собакевич? Не думал, что он тварь такая, - задумчиво сказал пан Иван, - не переживай, Каширенко, сгинешь ты на каторге, а может быть, сбежишь, но слух о тебе пуцу везде, где только можно. А если, даст Бог, вернусь, всем расскажу. Прищучить его, конечно, не удастся, - его слово супротив моего, но общество пусть знает.

Михайло шел и вспоминал свой большой родовой дом, возвышающийся посреди утопающего в садах поместья в городке, укрытом валами и невысокой крепостной стеной. Вспоминал свою старую няню-кормилицу, младшую родную сестричку-сиротинушку Таньку, и Юрку, трехлетнего братика от мачехи. Так сердце защемило, так захотелось всех увидеть! Даже за дворней заскучал, и за конюхом Фомкой, и за своими веселыми горничными - Глашкой и Марфушей.

- Не, дядько Иван, сбегу. Мне нельзя в рабстве, больше некому отомстить.

- Старые казаки говорят, что если попадешь на галеру или рудник, то сбежать никак не можно и живут там недолго. Но если попадешь в услужение или... - он окинул Михайлу взглядом снизу вверх, - для забавы, то шанс есть.

- Как это, для забавы?

- Ну, казак ты гарный, таких очень даже любят старые богатые матроны. И еще...

- Нехай Господь ответит от меня. - Михайло перекрестился. - Сразу убьюсь.

- Ты не понял, те, о которых ты подумал, любят пухленьких вьюношей, ты же - воин. Так что если случится такая удача, то хватайся за нее зубами и не вздумай брать на душу грех самоубийства. Поплеывай в потолок да пользуй в свое удовольствие хоть тетку, хоть мужика. Вот так можно выждать удобную годину да и сбежать домой.

- Нет, себя убивать не стану. Но если не будет выхода, кинусь на басурман, и скольких смогу, столько с собой на тот свет захвачу.

- Верно. На то ты и есть казак, пан Каширский. - Иван склонил голову и долго шел молча, затем тихонько пробубнил под нос, но Михайло расслышал: - Да кто знает, из каких дальних далей придется добираться, и придется ли? И доберешься ли? Да, все в руках Господа.

- Все в руках Господа, - повторил Михайло, и они вместе размашисто перекрестились.

В Кафу, или, как сами турки называли его, Кючук-Истанбул, то есть Маленький Стамбул, пришли на двадцать четвертый день.

Этот турецкий город, выстроенный из камня, похожего на мрамор, был вдвое больше, чем тот же Бахчисарай. Огражден каменной стеной высотой около шести саженой, раза в два выше, чем стена их домашней крепостицы. Множество высоченных прямоугольных башен. Пока шли, Михайло насчитал их штук двадцать пять, и это были не все. Дядько Иван говорил, что внутри города есть еще одна огражденная крепость, и там тоже имеется до десятка башен. Как это ни странно, но кроме минаретов над стеной возвышались и кресты православных церквей.

Ток-мирза привел свой маленький караван к причалу кораблей, заставил раздеться и всех загнал в море.

Море! Как сильно понравилась Михайле эта впервые увиденная бескрайняя, слегка волнуемая водная гладь, с каким наслаждением он плескался, даже забыв на миг о своей рабской доле. Лишь немного раздражало жжение от соли в потертостях тела, но вскоре на осликах подвезли бурдюки с пресной водой и несколько деревянных бадеек. Попили все вдоволь, правда, вода оказалась с солоноватым привкусом, но на это уже никто внимания не обращал, многие тут же обессиленно попадали на песок. Михайло же с дядькой Иваном аккуратно смыли с себя соль, а в бадееке двумя сменами воды прополоскали подштанники, сорочки и портянки. Влажную одежду тут же натянули на себя, испытывая блаженство. Так, на общей цепи, в общей куче людей, они и поухаживали друг за другом.

Отдыхали недолго. Вокруг них уже суетились хозяева рабских загонов и осаждали Ток-мирзу. Михайло обратил внимание, что тот показывает на него пальцем, что-то говорит какому-то толстяку и отрицательно качает головой. Он не слышал, о чем говорят, но мог догадываться.

Не успела одежда просохнуть, как пришлось прощаться. Дядьку Ивана и всех девок сняли с цепи и повели за стену, а Михайло вместе с прочими селянами отправили в клетки портового рынка. Все. Выйдут они отсюда только под руку нового хозяина.

В дни совместного перехода хлопы вели себя безразлично (тянут куда-то, да и ладно) и держались от казаков на расстоянии, даже не пытаясь лишнего слова сказать, словно находились дома, в Украине. Сейчас же, когда сидели в восьмером в тесной клетке, двое из них посматривали свысока и ухмылялись, радуясь, что боярича тоже опустили до их уровня.

С молоком матери Михайло впитал в себя убеждение, что раб не тот, кто сидит в клетке, а тот, кто имеет душу раба и рабскую сущность. Поэтому, передвинувшись ближе к свежему воздуху, на противоположный угол от отверстия параши, он на них не обращал никакого внимания, прекрасно понимая, что в случае надобности любого из них, невзирая на габариты и возраст, может не просто убить голыми руками, но и порвать на куски.

В первый день особого торга не было. Из их клетки торговец из Армении купил двух рабов, и все. Хозяин пытался в первую очередь втюхать Михайлу, но тот, взглянув рабу в глаза, отказался.

Утром второго дня стало известно, что из Анатолии пришли две галеры для закупки рабов на медный рудник. Михайло слышал, как торгаши сговариваются об уровне цен, и понял, что сегодня решится его судьба так или иначе. Вспомнив о наставлениях дядьки Ивана, который говорил, что с рудников сбежать невозможно, он загрузил.

Минуло совсем немного времени, и на рынке полным ходом пошел торг. Действительно, клетки освобождались почти полностью, скоро очередь должна была дойти и до них. Вдруг он заметил укрытое паранджой невысокое округлое создание в сопровождении двух мордатых охранников, за поясами у которых торчало по ятагану и кинжалу. Первый нес в левой руке многохвостую нагайку из сыромятного ремня, а второй тащил на плече тяжелую торбу.

Точно так же эта компания бродила между клеток вчера, видно, выглядывали нужный товар. Неведомая сила подняла Михайлу на ноги, и он вышел из-за спин прочих рабов. Почему-то подумал, что это его шанс.

- Госпожа, - негромко позвал и расправил плечи.

Компания резко остановилась, с минуту стояли молча, затем из-под паранджи что-то тихо прозвучало, и один охранник направился к клетке, а «паранджа» с другим – посеменила дальше. Тут же подбежал и хозяин, расхваливая достоинства раба.

- Скажи, пусть гяур снимет шаровары и высунет в решетку член, – сказал мордатый по-турецки.

- Раб, знимай шальвари. – Тот перевел, и Михайло не чинясь, немедленно развязал кушак. – Подойди ближе и член залупи.

Мордатый наклонился, внимательно рассмотрел, даже понюхал. Потом начался торг, и когда средними между тридцатью и пятью талерами получились двенадцать, клетку открыли, и его выпустили. Покупатель вытащил из сумки ошейник и аршинную цепь с прикованным к концу ядром. Ошейник замкнули на колодку, а ключ охранник спрятал под клапан поясного ремня.

Следуя указаниям и удерживая ядро в руках, Михайло зашел в помещение бани, где цирюльник обрил ему голову, подмышки и пах, чтобы исключить появление вшей. Долго мыться не дали, и вскоре отправились к пирсу, к какому-то двухмачтовому судну. У входа на трап заставили снять обувь. Здесь и цепь сняли с шеи, но перецепили на ногу и отправили в кормовой трюм. Взяв в одну руку ядро, в другую сапоги, он с помощью поджопника, который отвесил охранник, слетел вниз и вселился в какой-то совершенно темный чулан.

- Ничего, еще не вечер, морда, – про себя пробубнил Михайло и стал босой ногой на что-то мягкое. – Лично я буду бить тебя не по жопе, а по яйцам.

- Ой! Не наступай на меня! И ядро не бросай куда попало. – Кто-то вскрикнул из темноты, коверкая турецкие слова.

- Ты кто?

- Луис. А ты?

- Михайло.

- Это Мигель?

- Нет, меня зовут Михайло.

- А! Микаэль!

Так они и познакомились: раб Микаэль и раб Луис, бывший младший офицер-стажер испанского флота. В рабство он попал, когда стажировался на каботажном судне в должности помощника шкипера. За неделю до получения офицерского патента, когда на своей барке возвращались из Кадиса в Барселону, их атаковали галеры алжирских пиратов. Не ранение, а обычную травму головы Луис получил в первую же минуту боя и очутился на цепи. Полгода назад был продан в дом покойного марокканского чорбаджи-аги [2]. Ахметжана из города Канитры, где хозяйничала его старшая (и ныне уже единственная) вдова Лейла-ханум.

Дочь помощника румелийского кадиаскера (то есть судьи) Европейских территорий Османской империи, она внешне выглядела тихой правоверной мусульманкой, и никто из знакомых не мог усомниться в ее благопристойности. Однако внутри своих владений, то есть владений покойного мужа, она слыла особой жестокой, циничной и беспринципной, а хозяйство вела железной рукой, лучше любого управленца.

Не боялась она никого, в делах действовала решительно. Что там говорить, после смерти мужа ни один из многочисленных его родственников до сих пор не получил ни пяди родового наследства, и не получит.

Муж когда-то по типу янычар воспитал из болгарских мальчишек и домашнюю охрану, и корабельный экипаж, но сделал их кастратами. Уж как их там учили – непонятно, но сегодня это были преданные лично хозяйке бойцы и весьма обеспеченные люди, которые постоянно проживали в ее имениях.

Имелся у госпожи Лейлы недостаток, тщательно и успешно скрываемый от общественности: слаба была на передок. И ничего в этом такого плохого нет, все-таки живой человек, и ей, как и любой другой женщине, тоже хотелось.

Давно повелось, что мужская часть обслуживающего персонала являлась кастратами, поэтому для таких целей она покупала раба. Даже не одного раба, а троих в год, так как редкий из них выживал дольше четырех месяцев, а того, который выживал, кастрировали и отправляли в дальнее имение.

- Знаешь, Микаэль, – жаловался ныне отставной раб-трахальщик Луис, – эта сука во время траха начинала стонать. Сначала тихо, затем громче, а потом кричала, как свинья недорезанная. И в это время в комнату врывались два ее телохранителя и стегали кнутами, тогда уже я орал, а она от созерцания моей боли получала дополнительное удовольствие, прямо слюна изо рта шла, и кончала еще раз. Сука, никто ее вусмерть затрахать не может.

- Вот тварь такая, – согласился Михайло и подумал, что подобные экзекуции ожидают и его, надо с этим что-то предпринять, и быстро. – Луис, а что хозяйка в Кафе делает, не знаешь?

- Ну как же. Хозяйка в сопровождении старшего брата Ахмет-бека из Алжира доставила на обучение в янычарский корпус своего сына. Он получил направление в Кючюк-Истанбул, вот и оказались здесь. Вообще-то обычные правверные женщины не путешествуют на кораблях, но эта сучка любого мужчину за пояс заткнет, скоро и меня примучит.

Благодаря свету, пробивавшемуся сквозь верхний люк и слегка приоткрытую дверь, было видно, как угрюмо он опустил голову и задумался.

- Но чем ты так провинился?

- А я одну ночь провел с Фатимой, младшей женой покойного хозяина, а евнух, который без одного уха, засек и доложил хозяйке. Утром Фатима случайно свалилась с лестницы и сломала шею. Через три дня хозяйка вызвала меня и после любви, когда безухий отходил спину плетками, приказала бить меня двумя кнутами. И потом, когда вышли из Канитры в Алжир, где должны были забрать Ахмед-бека, она меня вызвала к себе в каюту, а у меня не получилось. Вот и все. Вернемся, вырежут яйца и отправят в дальнее имение за Марракеш.

- Да, тяжело тебя слушать. – У Михайлы на душе было паскудно. – А бежать пробовал?

- Дважды, – кивнул Луис.

- Ну и как?!

- Как-как. Не видишь, что ли? Ловили сразу.

- А давай вместе, а? Прямо отсюда.

- А ядра? - Луис показал на прикованную к ноге цепь. - Безухий снимет, только когда пойдешь к суке в постель.

- Не переживай, чего-нибудь придумаем. Или умрем. Рабом у дряни недорезанной точно не буду. Сколько нам плыть до места?

- Недели две, да еще в Алжире немного постоим.

- Значит, в нашем распоряжении есть две недели. А когда она начнет меня дергать?

- Пока на судне Ахмед-бек - ни-ни. А потом - готовься, оторвется по полной.

Время в плавании для Михайлы пролетело незаметно. Масса впечатлений, а морем он был просто очарован. Когда вышли в открытое море, безухий евнух отстегнул цепи, и их заставили вместе с командой драить палубу. От работы на судне уставший от безделья Михайло получал истинное удовольствие. Конечно, нигде и никогда он никакие полы не мыл, но Луис сказал, что любой будущий флотский офицер, даже адмирал, свою карьеру начинает именно с этого. Своей старательностью Михайло даже заслужил одобрительное покашливание боцмана, несмотря на то что евнухи их сильно ненавидели.

Молодые люди частенько стояли на баке и обсуждали различные варианты побега, но реальных возможностей пока не видели. За кормой всегда болталась шлюпка с уложенным парусом, но прорваться к ней можно было лишь через кварталдек с вахтенным офицером и караульными либо мимо рулевого, через охраняемые двумя мордоворотами каюты хозяйки и капитана. А в их положении это было самоубийством.

По просьбе Михайлы Луис все время разговаривал по-испански, объясняя смысл незнакомых слов. За эти дни он выучил около трех сотен слов и теперь мог составить простейшие предложения.

Наконец наступил день, когда они высадили Ахмед-бека со свитой и отправились в море на последний переход. А вечером к люку подошел безухий и крикнул:

- Гяур! Хозяйка требует.

Михайло тяжело вздохнул, сердечко затрепетало, но он взял себя в руки, провентилировал легкие и успокоился. Затем отрешился от мира и спрятал чувства, как учил поступать в подобных случаях духовник, отец Афанасий, и вылез наружу. Здесь солнце почти спряталось за горизонт, явив живописную картину заката, и он на миг залюбовался, но безухий толкнул в плечо, вытащил из пояса ключик и разомкнул колодку с цепью. Затем заставил налить в бадейку десять кварт воды, раздеться догола и помыться.

У входа под кварталдек, где располагалась каюта хозяйки, стояли две маленькие табуретки, на одной сидел охранник, тот самый, с плетью в руках. Когда Михайло подошел, он и рулевой, который стоял у штурвала, мазнули по нему безразличным взглядом, словно по пустому месту. А безухий разжег над входом масляный фонарь, сел на свободную табуретку и кивнул на дверь:

- Иди.

Помещение оказалось небольшим. Но кровать стояла немаленькая или, может быть, это был огромный, застеленный перинами сундук? Полумрак каюты рассеивала небольшая масляная лампа, которая висела над столом слева от кровати. А справа имелось прямоугольное окно,

прикрытое ставней.

- Раб, ты меня понимаешь? – раздалось из-под красного покрывала.

- Да, госпожа.

- Подойди. – Михайло подошел ближе и впервые увидел лицо Лейлы. Возможно, оно когда-то и было красивым, но сейчас заплыло жиром, а ее щеки оказались безразмерными. Женщина откинула покрывало, явив свое толстое обнаженное тело, согнула ноги в коленях и раскинула их, внимательно рассматривая Михайлу со всех сторон.

Дома, конечно, на такое чудо у него ничего бы не шевельнулось, но здесь, несмотря на то что мешкоподобный живот свисал чуть ли не до колен, запах и аккуратно подстриженный внешний вид некоторых интересных мест мгновенно возбудили молодой, никогда не знавший длительного полового воздержания организм.

- Сюда. – Ее любопытство было более чем удовлетворено, и она постучала пухлой ладошкой по кровати. Михайло взобрался, а она ухватила его за руки, одну сунула себе между ног, а вторую положила на грудь и томно выдохнула: – Гладь.

Он не стал ее ласкать, как своих девчонок, а просто водил пальцами по влагалищу, и вскоре клитор вздулся и стал похож на маленький пенис.

- Давай, – простонала Лейла, закидывая его на себя, затем, закатив глаза, сквозь зубы прошипела: – Если быстро кончишь, удавлю.

Михайло приподнял складки живота, чтобы не мешали, и резко вошел. Лейла тихо вскрикнула и стала постанывать все громче и громче. С минуту подвигавшись, он с удивлением почувствовал (такого в короткой практике еще не было), что его в общем-то немаленький член болтается внутри, словно горошина в кринке. Сдерживающий фактор вдруг исчез, организм, давно не чувствовавший женщины, расслабился, и он обильно кончил.

Лейла замерла, открыла глаза и удивленно на него посмотрела, затем ее лицо исказила гримаса злобы, рот оскалился для крика...

Михайла понял, что никакого унижения он больше не вытерпит и сейчас, как говаривал покойный отец, наступил момент истины. Он освободил спрятанные в душе чувства, а юношеский максимализм взял верх и возмутился: свобода или смерть! Глаза яростно блеснули и, немедленно задвинув правую ладонь женщине под затылок, обратным хватом левой взял ее за подбородок и руки рванул в стороны. Раздался хруст позвонка, она умерла мгновенно.

Михайло слез, плюнул на труп, вытерся и прошептал:

- Сучка драная, больше ни над кем издеваться не будешь.

Немного постоял, подумал, огляделся вокруг и подошел к окну. Приоткрыл ставню, выглянул наружу: ярко светили звезды, внизу по борту шуршала вода, а шлюпка на конце каната так и двигалась следом.

Даже соображая что-либо в морском деле, он никогда бы не бросил в беде товарища и теперь стал усиленно размышлять, как тому помочь, хотя понимал, что оттягивать с решением нельзя.

Ни оружия, ни чего-то такого, что могло бы его заменить, он не увидел, поэтому быстро стал

рыскать по каюте. Ничего, кроме разных тряпок, двух шкатулок (одна – с драгоценностями, а вторая – с небольшим количеством золотых и серебряных монет, а также симпатичными серебряными ножнами от небольшого стилета), он вначале не нашел. Но догадался заглянуть под подушку, там его и увидел; ромбического сечения, с посеребренной гардой и рукояткой, отделанной слоновой костью. Взял в руку и подкинул. Клинок был сбалансирован неплохо, с таким работать можно.

Разложил сверху на трупе две подушки, укрыл все это покрывалом и подошел к двери каюты. Расположившись так, чтобы, когда ее откроют, оказаться невидимым, Михайло постоял немного, но никто заходить не спешил. Подумал и решил ускорить процесс, попытался закричать тонким голосом, но дал «петуха» с переливами. Однако это возымело действие, и в коридоре послышался топот двух пар ног. «Двое!» – возникла неприятная мысль и пропала, тело уже давно находилось в боевом трансе, и ему было безразлично, прибегут один, двое или десять. Все равно что-либо назад отыгрывать поздно и бессмысленно.

Дверь распахнулась, в каюту первым вбежал мордovorот с нагайкой и сразу помчался к кровати. Безухий заскочил следом.

«Нет, по яйцам бить не буду, у тебя их нет, просто зарежу», – подумал Михайло, надавил плечом на дверь и нанес удар в почку безухому. Одновременно случилось три вещи: захлопнулась дверь, Михайло перехватил правой рукой окровавленный клинок для броска, и мордovorот откинул покрывало, поднимая нагайку для удара. Того мгновения, в течение которого он удивленно пялился на подушки, хватило, чтобы стилет прилетел именно в ту точку, в которую был нацелен, – в затылок. Оба охранника свалились на пол, первый – замертво, а второй – в конвульсиях скреб ногой по полу. Михайло вынужден был выхватить из ножен его кинжал и нанести еще один удар, в сердце.

Тихо приоткрыл дверь и выглянул в коридор. Было темно, но из капитанской каюты слышался громкий храп. Нет, сначала нужно разобраться с вахтой. Он притворил дверь, снял с безухого пояс, застегнул на свое голое тело и проверил под клапаном наличие ключика. Там нашелся не только ключик, но и разных монет немало. Вытащил из трупа кинжал, вытер и вернул на место. Подошел к окну, опять прислушался к шуму волн, ухватился за раму, выбрался наружу и, подтянувшись... увидел перед глазами ноги вахтенного офицера. Тот, стоя спиной к ограждению, облокотился на перила, задрал голову и созерцал звезды.

Более удобное положение для убийства придумать сложно. Крепко удерживаясь левой рукой за стойку, Михайло подпрыгнул, зацепил правой рукой подбородок вахтенного, резко и с силой потянул вниз. За шумом волн звука, с каким переломилась шея, слышно не было, затем он отпустил тело, но оно, зацепившись локтями за перила, так и повисло. Ну и ладно, здесь больше делать нечего, он нащупал ногой раму иллюминатора и вернулся в каюту.

Шкипера и рулевого тоже зарезал тихо. Первый так и не проснулся, а второй, когда Михайло вышел со спины, даже не оглянулся. Зафиксировав стопором штурвал (как это делается, он видел неоднократно), захватил на палубе подштанники, шаровары и рубашку, нырнул в трюм.

- Подъем, Луис, – шепнул, натягивая одежду, – нужно спешить.

Тот чуть не запищал от радости, когда Михайло снял цепь. Пока забежали в каюту хозяйки, где Луис трясущимися руками завладел поясом и оружием второго охранника; пока рассовывали по поясам деньги и драгоценности (Михайло не забыл захватить и стилет); пока ссыпали в узел какие-то сладости и фрукты (пресная вода в шлюпе была постоянно и менялась всегда); пока перебирались в шлюп, отцепились и ставили парус, все было тихо и ничего не произошло. Так,

в перерыве между вахтами, они и свалили. А когда парус поймал ветер, Михайлу отпустило и он расслабился.

- Луис, а куда поплывем? – спросил устало, напряжение последнего часа сказалось, он был совершенно разбитым.

- На север. Видишь яркую звезду? – показал тот рукой. – Нам туда.

С этого момента Луис на Михайлу стал смотреть совсем другими глазами. Было видно, что крепко зауважал.

Беглецам благоволил попутный ветер, поэтому до испанского берега добирались чуть больше суток. Дважды вдаль видели паруса, но их, слава богу, никто не заметил, и почти весь путь прошел спокойно. Но к утру второго дня небо затянуло, пошел дождь и разыгрался шторм. Над головой уже мелькали чайки, значит, они находились почти у самого берега.

Для хорошего судна волна была ерундовой, но для этого шлюпа оказалась избыточной. При резкой смене ветра Луис не смог справиться с управлением, шлюп положило набок и волной расплющило. Обувь и вещи, которые лежали на дне, а также два отличных пистоля, ушли в бездну. Хорошо, что сами успели зацепиться за кусок сломанной мачты.

Деньги и драгоценности сохранились. Еще вчера, во время спокойного плавания, выпотрошили пояса и разделили трофеи. Кроме утонувшего имущества, они располагали двумя длинными кинжалами из неплохой стали, одним стилетом, который, как говорил Луис, когда-то принадлежал чорбаджи-аге, а также драгоценностями и деньгами: семьюдесятью восемью талерами и сорока семью золотыми цехинами в монетах разного достоинства.

Если золото перевести в серебро по курсу пять с половиной, то общая сумма составит триста тридцать шесть талеров или двадцать четыре фунта. Сумма более чем приличная, но если бы не подвернулся обломок мачты, то пришлось бы пояса снимать и скидывать на дно, особенно Михайле, иначе бы утонули.

Дело в том, что Луис наотрез отказался от равноценной доли.

- Если сеньор Микаэль не возражает, то я бы взял один фунт на приличную одежду и обувь, два фунта на обычную верховую лошадь и три фунта на нормальную шпагу. Если уж послал мне Бог вас, сеньор, и вашу доброту, то хотелось бы появиться на глаза родственникам настоящим кабальеро, а не таким оборванцем. – Он поднял руки и демонстративно осмотрел себя.

- Не юродствуй, – рассмеялся Михайло, но все равно смог втиснуть Луису всего семьдесят пять талеров, а это чуть больше шести фунтов. И не более того.

...Сквозь тучи появилось солнце, и часа через три зубодробительного плавания в открытом море (сверху поджаривает, снизу охлаждает) их выбросило на берег.

Глава 2

«Иди! Иди!» – в голове звучали набатом слова *Того*, кто послал меня в этот мир. Нет, мир был тот же самый. «*Та же река, тот же берег*, – сказал *Он*, – *только выше по течению*».

Знаю точно, кем я был и кто я есть. И знаю, что сегодня двадцать пятое августа тысяча шестьсот семьдесят восьмого года от Рождества Христова.

Перед глазами, словно на экране монитора, пролетела вся моя недолгая жизнь. Да-да! Именно моя! Горечь потери отца и братьев-товарищей казаков, чувство любви к малышам – сестричке и братику, ненависть к Собакевичу и собакевичам, это мои чувства, чувства Михайлы, и они никуда не делись.

А вот еще один экран и еще одна жизнь. Насыщенная жизнь битого судьбой и умудренного жизненным опытом пожилого человека. Тоже – моя! Рядом – родные дети, любимые внуки и Лиз. И Мари. На триста тридцать три года позже!

О! Как бы мне хотелось отмотать эту пленку обратно и все вернуть на круги своя. И для меня, пенсионера Евгения Акимовича Каширского, который ни одной минуты не сожалел о прожитых годах. И для меня, молодого воина Михайлы Якимовича Каширского, который очень сожалел, что сделал в этой жизни так мало.

Нет, очнувшись, я, Евгений, не подавил молодое, неокрепшее сознание, но и не позволил подавить свое, впрочем, Михайло стать доминантой просто не смог бы. Наши сознания растворились в молодом крепком сосуде, и его душа впитала память той, упокоенной души; наши знания, умения, опыт, сила и ловкость объединились и стали единым целым с общими чувствами и устремлениями. Единым индивидуумом, то есть единым мной.

Не открывая глаз, провел рукой по поясу, удостоверился, что и кинжал, и стилет на месте и все это мне не приснилось.

- Ну подымайся, Жан-Микаэль, – лениво и устало сказал Луис.

Вот-вот, это мое настоящее имя – Евгений-Михаил, именно оно представляет мою настоящую сущность. Но почему Он не упокоил меня вместе с сознанием и памятью души, а послал в глубину веков? Конечно, имея имя и положение в обществе, здоровый организм молодого воина и приличное техническое образование: знания в области механики, металлургии, физики, химии и прочих разных наук уровня начала XXI века – могу здесь обеспечить себе роскошное и праздное существование на всю оставшуюся жизнь. Но нет, мой авантюрный характер спокойного и размеренного бытия не вытерпит, да и Он меня вселил в Мишку не задравши ноги чаи гонять. А зачем и почему? Ведь не просто так? А может быть, услышал боль страданий и сожалений огромных масс там, в том мире, – о том, что в нашей жизни все не так? Все не так, как надо? И я за миг до смерти помолился...

«Делай, что должен». Значит, решил Он, не нравится вам, люди, жить так, как живете, – организуйте лучше. Вот меня, в виде козла отпущения, и отправил в полет сквозь века.

А что, собственно, умею делать? О! Много чего.

Могу обучить арифметике, математике и высшей математике; физике и химии школьной программы. Может быть, не все помню, но помню очень много. Например, порох – не хуже «Сокола» и капсюль типа пистона для револьверной гильзы и медный для гладкоствольного оружия делал лично и неоднократно под чутким руководством Алешки, бывшего школьного учителя химии, а ныне пенсионера, моего давнего друга и компаньона по совместным походам на охоту. Он почему-то считает (прошу прощения, считал), что в наш продвинутый век таким умением должен обладать любой мужчина.

Иностранные языки знаю. Раньше знал шесть, а с новой памятью – одиннадцать.

Могу изготовить измерительный, режущий инструмент и любой станок: и с электроприводом, и с ножным, и с ослико-лошадиным. А с водяным или ветровым – и говорить нечего. Имею

представление о литейном производстве, горячей ковке, холодной штамповке и термообработке сталей и сплавов. Не считаю себя в этом деле великим специалистом, но по крайней мере по искре на абразивном круге состав металла с большой долей вероятности определить могу.

Хорошо представляю конструкцию и принцип работы парового двигателя и двигателя внутреннего сгорания. Теоретически. И если еще паровик можно было бы попытаться сварганить, то за ДВС даже и не взялся бы. Точно как не взялся бы серьезно решать вопросы изготовления электрооборудования и приборов радиосвязи, несмотря на то что полжизни занимался монтажом турбин и генераторов. Здесь у меня теоретической базы нет, за исключением вершков общеобразовательной программы.

По большому счету могу поставить перед собой цель, а потом собрать, подготовить и организовать команду для ее реализации. Могу по принципу пирамиды, с учетом реалий нынешнего времени и при наличии ресурсов, за пять лет сформировать и хорошо профессионально подготовить пехотную и кавалерийскую дивизии. Недаром Михайло получил соответствующее военное образование; недаром Евгений служил срочную в мотострелковом подразделении, а затем исполнял интернациональный долг в ДРА.

Что еще могу? Да многое могу, с ходу и не упомнишь. О! Швейную машинку, кстати, отлично знаю – господин Зингер отдыхает.

– Слышишь?! Пора идти, пить хочется ужасно. – Увидел, как Луис тяжело поднялся, отряхивая песок.

Вставить не хотелось, в голове крутились разные мысли, но после слова «пить» проснувшаяся жажда подбросила и поставила на ноги. Слегка пошатнулся, потряс головой и оглядел такие знакомые и в то же время незнакомые пустынные места. Что ж, будь что будет! Главное – ввязаться в бой, а война маневр покажет. Выбросил руку в приветствии «Рот Фронт!» и воскликнул молодым, звонким голосом:

– Веди, Луис! Вперед, на крепость!

– Нет, крепость – для нас слишком много. Мы возьмем таверну! – ответил он шуткой на шутку, взмахнув рукой. Солнышко припекало голову, а горячий песок – ноги, поэтому мы вернулись к кромке воды и по омываемому волнами берегу быстро пошли в сторону Малаги.

Море после шторма почти успокоилось, слегка волнующаяся гладь играла разноцветным серпантинном, а негромкий прибой шуршащими бурунами холодил босые ноги.

Как красиво! Какая-то часть сознания возжелала заполучить и освоить паруса, а потом рвануть в неведомые дали. А почему бы и нет? Ведь умею и могу многое, и свои желания, пусть не любые, но для этого времени самые невероятные, способен воплотить в жизнь.

Но чего желаю, чего хочу? Конечно, лично для себя хочу крепкого здоровья и многих лет интересной жизни. А как буду жить? Да проживу «на бис», абсолютно так же, как и раньше, в том времени – не сидеть и лежать, а бежать.

В моей семье к истории всегда относились предвзято, лженаукой ее не считали, да простят меня ученые мужи, но когда мама увидела мой аттестат об окончании школы, где в колонке оценок среди пятерок затесалось две четверки – по истории и обществоведению, даже плохого слова не сказала. Просто некоторая официальная историческая информация совершенно не

согласовывалась с тем, что нам было известно от деда-прадеда, а семейные документы, предания и воспоминания мы для себя считали неоспоримыми.

Умышленно искаженный документ или специально подписанная монархом недостоверная информация через три поколения становится правдой, а через четыре – фактом абсолютным. А докторских диссертаций на этом, мягко выражаясь, историческом факте напишут столько, что, когда где-то проявится искорка правды, ее с песнями и транспарантами затопчут и заплюют.

Что ж, ничего не поделаешь, историю пишут победители. Вот и мне нужно стать тем, кто будет иметь право подписи под значимыми документами, то есть победителем. А с какой целью? Ведь стать влиятельным магнатом смогу в любой стране мира.

Но нет, не для этого Он меня сюда закинул.

Что мне известно об этом времени? В общем-то даже с учетом свежей памяти – немного.

На троне Московского царства сидит царь Федор Алексеевич Романов, а будущий великий Петр – еще совсем маленький ребенок. И что мне делать? Прибежать туда, поселиться у одного из своих дальних родственников и начинать прогрессорство? Нет, сейчас в Москве та еще клоака, либо втихаря прирежут, чтоб не выделялся, либо громко сожгут.

В Великом княжестве Литовском сейчас царит шляхетская демократия, то есть полный беспредел, впрочем, в Кракове творится то же самое. Значит, нам сюда не надо.

Можно развернуть пирамиду и сыграть шахматную партию дома, на Украине, и подгрести всех и вся под себя, тем более что есть имя и ресурсы. Но это значит – топить в крови братьев славян, а также через Царство Польское в европейских разборках вызвать огонь на себя. И как бы на все это дело смотрела Порта? Предъявить ей «стальную перчатку», изготовленную по технологиям двадцатого века, и заключить сепаратный мир?

Нет и еще раз нет. Никакие дела и никакие интересы ничьих государств меня интересовать не будут. Лет двадцать пять.

Черт побери, ведь огромные территории Земного шара не только не освоены, они даже не открыты! Ведь в половине Северной Америки с ее богатейшими ресурсами (ее отделяют Скалистые горы), а также во всей Океании, начиная от Гавайских островов до Новой Зеландии, сегодня проживают только дикие народы и нет ни одного европейца! А половина неосвоенной Африки с ее золотом и алмазами?! И скажите, зачем мне нужны чьи-то интересы? Нет, они мне, конечно, будут нужны, но несколько позже. Да, лет через двадцать пять. Вот тогда-то мы и начнем влиять: кому-то будем помогать делить, а кому-то – помогать кушать.

Итак, задача номер раз – материальные ресурсы, то есть в первую очередь деньги. Не вопрос, абсолютно точно знаю места в ЮАР и Намибии с очень удобным подходом с океана, где есть немаленькие залежи золота и огромные – алмазов.

Задача номер два – трудовые ресурсы, то есть люди. Впрочем, при нынешних общественных отношениях при наличии денег это тоже вопрос несложный.

Задача номер три – создание базы «подскока» для организации научно-технической и военно-промышленной пирамиды.

Задача номер четыре – создание собственного православного государства.

И задача-максимум - изменение векторов мирового развития.

Решить все первые четыре задачи надо так, чтобы ни один власть предержащий ничего не заподозрил и был в неведении до того самого момента, пока мне это выгодно.

Сейчас же внеочередные вопросы - это адаптация, накопление первоначального капитала, привлечение или скорее приобретение шустрых, обучаемых ребят, которые и станут фундаментом для всех моих будущих дел.

Бежать - не привыкать. Но раньше бежал по своей, узкой тропинке, сейчас же, дополнительно к «стальной перчатке», слажу «стальные сапоги» и прошвырнусь по пока еще не занятому участку берега этой реки.

В Малаге бывал бесчисленное количество раз. Во-первых, прилетая в Испанию и улетая, добирался сюда; во-вторых, постоянно арендовал в отеле авто, частенько забирал Мари и Лиз, ездили на экскурсии и так, развлечься. Всего восемнадцать километров по трассе, которые на машине преодолевал за считанные минуты, а мы с Луисом брели не знаю сколько часов, но солнце уже ушло к закату. Еще часа два, и начнет темнеть.

И вот наконец нам открылась панорама залива с сотнями торчащих корабельных мачт. Луис резко остановился, его глаза заблестели, и он, глубоко вздохнув, перекрестился. Остановился и я, огляделся, с удивлением узнавая и не узнавая все вокруг. Если контур залива был знаком, то слева, там, где пустырь, в мое время стояла (или будет стоять) сеть супермаркетов и развлекательных центров, а справа, на месте хибар, были (или будут) четыре башни-высотки. Перекрестившись, только по-своему, по-православному, толкнул Луиса, и мы пошагали дальше.

По пути прошли через три рыбацких деревушки, где нас встретили весьма и весьма настороженно, особенно в самой первой. Но подброшенный на ладони серебряный талер, который по весу был идентичен местному пиастру, уладил все проблемы. Здесь даже один реал считался серьезными деньгами. Таверны в деревушке не имелось, поэтому мы расположились в тени хижины пожилого рыбака, обряженного в огромную шляпу и короткие, по колено, штаны. Это был первый новый человек, которого я увидел в этом мире. Он нам вынес два кувшина холодного белого вина урожая прошлого года.

- Прошу вас, сеньоры, но... - рыбак начал мяться, поглядывая на наши босые ноги, - у меня нет семи реалов сдачи.

- И?... - спросил Луис, выпятил подбородок, сощурил глаза и стал похож на настоящего кабальеро с большой дороги.

- У меня есть несколько пар превосходных башмаков. Не хотят ли сеньоры примерить? - склонив голову, спросил рыбак с искоркой хитринки в глазах.

- Тащи, - сказал ему.

- Слушай, Микаэль, - Луис оторвался от кувшина, - в город мы можем зайти и босиком, но войти без шляпы - это очень большой урон для чести.

Короче, оставили мы хитрому бизнесмену-рыбаку еще один талер, зато обзавелись полуботинками на тонкой подошве из затертой и потрескавшейся кожи, в которых умерло не одно поколение старых рыбаков, и задубевшими просоленными треуголками. А еще Луис требовал два медных реала сдачи. Вот тебе и идальго, лично я бы не требовал, оставил бы на

чай. Оказывается, здесь, в далеком прошлом, у европейцев уже сейчас совсем другой менталитет. Зато нам эти два реала пригодились в последующих деревушках, где, с опаской посматривая на наши кинжалы, нас обеспечили таким же холодненьким кислячком.

И вот мы шагали к городу и от подножия приморских холмов подымались в сторону ворот Алькасабы, дворца-крепости мавританских королей. А еще выше, на горе Хибральфаро возвышался замок – главный форпост защиты дворца. Казалось бы, с Мари и Лиз мы бродили здесь совсем недавно. Тогда тут были сосновая аллея, эвкалипты и кипарисы. Мы забирались на замковую башню посмотреть на Гибралтарский пролив и африканские горы Риф, которые видны далеко-далеко.

Луис объяснил, что длинный нож простолюдину носить нельзя, под кушаком таскают обычно складную наваху. Но в городе есть люди, которые могут подтвердить его происхождение. Лично мне тоже нечего бояться, так как я с ним, а он нисколько не сомневается в моем благородном происхождении. Никто нас нигде не остановил, только два кабальеро, которые двигались навстречу верхом, посмотрели с большим интересом.

Мы прошли по мощенной камнем улице вдоль кварталов мастеров и поднялись во вполне узнаваемые мною места. Слева, куда поворачивала улица, стояли башня и здание, в нем лет через триста будет размещен музей Пикассо, который родился в Малаге. Коллекция его картинной галереи оценена в двести девяносто восемь миллионов евро, а жемчужиной является портрет жены, русской балерины Ольги Хохловой.

Здесь не было, конечно, отделки двадцать первого века, отсутствовала аллея с мелкими кафешками и ресторанчиками, но старый город оказался вполне узнаваем: зелено, чисто и опрятно. Встречные люди – самые обыкновенные, но богатые и бедные различались сразу. А вот одеты непривычно: жилет и короткий пиджак типа «фигаро», все в коротких штанах с подколennыми бантиками и в чулках! Точно такие же мы видели с Мари на тореадоре (Лиз оставили дома), когда ездили смотреть корриду. Да, головные уборы – абсолютно на всех мужчинах, кушаки – только на простолюдинах, а пояса с оружием – у благородных. У них же (у всех!) длинные усы со смазанными чем-то кончиками стоят торчком.

Мода такая, однако, чукча ты, Евгений-Михаил, необразованный.

А женщины здесь красивые, яркие, ничуть не хуже наших казачек. Только цвет волос разный, у наших беленькие, русые, а черные – изредка. Здесь же чернявые преобладают. И голубых глаз не видно, одни карие. Ух! Вот идут синие глаза, а ресницы – в размер веера моей мачехи, и коса черная как смоль. И идет точно так же, как моя Любка, – нос кверху, грудки вперед. Да там и щупать пока нечего, а туда же. О, как на меня презрительно взглянула, а сопровождающий ее дядька, следующий чуть справа и на полшага сзади, окинул взглядом внимательно и настороженно.

А что ты хотел, господин Евгений-Михаил, выглядите вы с Луисом совсем не как кабальеро. Да еще в шароварах. Здесь в таких только турки могут объявиться.

Ну и ладно, не больно-то хотелось.

Нет, не ладно, ты уж признайся сам себе, что привык и в той и в этой жизни совсем к другому отношению женского пола. Ты никогда никому не навязывался, но был всегда любим, а здесь – презрение.

Однако ерунда все это, было бы столько горя.

Вот Любке моей сейчас не позавидуешь. Донес ли уже дядька Иван весточку, что жив я, не знаю, но верю, что вскоре донесет либо слух пустит. Я же, Любка, увидеться с тобой пару лет не смогу. Долг крови требует серьезной подготовки. Не могу сейчас просто так податься домой. Ну что мне Собакевичу предъявить? Скажу, что продали меня пахолки пана, а из кустов слышал голос Вацека? А может, того Вацека уже и в живых нет. Буду бегать по судам от пана полковника до пана кошевого? Правильно дядька Иван говорит, мое слово против его слова, да еще и засмеют. Жизнь у меня будет не жизнь, и больше чем уверен, что недолгая.

Такой глупости не совершу и действовать буду совсем иначе, сознание и опыт прожитых лет, вернувшиеся (или вселившиеся) через века, знают, как надо.

Так что подожди, Любка, если сможешь. Обещаю, вернусь за тобой обязательно, и пойдем под венец. Если дождешься – не обману. Может быть, ты мне не совсем нравишься, но кто я такой, чтобы пренебречь волей родителя? Пришелец из двадцать первого века, где давно наступил разврат в чувствах и нигилизм в отношениях? Нет, не хочу начинать-продолжать здесь свою жизнь с постыдного для рода поступка.

Луис, шагавший рядом, толкнул локтем и кивнул на очередную молоденькую красотку, сопровождаемую аж двумя матронами. Она прошагала мимо, тоже задрал нос, и на нас, туркоподобных оборванцев, даже внимания не обратила.

- Нет, Луис, ты не понимаешь. С такой девочкой ты только потеряешь время, деньги и вконец испортишь нервы. Посмотри вокруг, сколько девушек и женщин без охраны, вот где работы непочатый край, пахать не перепахать.

- Ты очень странно изъясняешься, Микаэль, как опытный ловелас. И слушай... - Он остановился среди улицы и с удивлением на меня уставился. - Как ты хорошо стал говорить! Правда, у тебя акцент жителя, прибывшего из Вест-Индии или из Нового Света. Я удивлен!

- Ладно, не захваливай, просто ты хороший учитель. - Не рассказывать же ему, что испанский действительно выучил в Чили триста пятнадцать лет тому вперед и имел неслабую практику в общении. Все же он смотрел на меня с некоторым недоверием.

Пока шли по улице, никто помоев не выливал, отходы под ногами не валялись и вони на улице не было. Говорят, систему водоснабжения и канализации здесь продумали еще арабы, завоевавшие кусок Испании в восьмом веке. И кто сказал, что арабы – отсталый народ? Ведь это именно они обучили европейцев математике, химии, врачеванию, хирургии и фортификации.

Малага мне нравилась всегда. Почему бы здесь не задержаться, тем более что у порта расположена столь интересующая меня морская школа, в которой учился Луис? Думаю, место для адаптации очень даже приличное.

Мы вышли на площадь, с одной стороны которой был виден залив.

- Вон, внизу, смотри. - Луис показал рукой на здание под рыжей черепичной крышей. - Моя морская школа.

- Завтра пойдем?

- Нет, - с сожалением выдохнул он, - завтра будем приводить себя в порядок.

О! Какое это экзотическое занятие – приведение себя в порядок. Помывку нам организовали еще вчера. Двое мальчишек затащили в комнату два деревянных корытца и бадейку с теплой водой, затем пришла тетка с двумя кувшинами, один пустой, а во втором – вероятно, щелок. Взяла кувшинчик, полила нас водой и намылила со всех сторон, потом обыкновенной тряпкой потерла и хлопнула на каждого еще по три кувшина. Вот и вся помывка. Ногти на руках и ногах острым ножиком обрезала, кстати, очень аккуратно.

Это, конечно, не сауна в моем загородном доме, даже не паровой бокс в городской квартире, но, черт побери, какое облегчение для тела.

Сегодня утром умылись из кувшина с питьевой водой, который стоял на столике, надели постиранные подштанники, портянки и рубашки, затем и шаровары – как же без них? Нацепили башмаки и дубовые от соли треуголки, подпоясались и отправились под чутким рукамиводством Луиса Сусанина, который здесь все знал, продолжать процесс приведения себя в порядок.

Кстати, на постой мы стали не в какую-то ночлежку, а во вполне приличное, недешевое заведение, где хозяин Луиса признал, но смотрел на нас с огромным удивлением.

Итак, я стоял как истукан под навесом открытой террасы на заднем дворе портного мастера (по-нашему, дизайнера) Пьетро Муньоса, который одевал очень небедных местных модников, и слушал бесконечное тарыхтение мастера о перипетиях современной моды:

- Жабо и бочонки, мои великолепные сеньоры, мы отметаем. Да и новый закон о роскоши, подписанный его величеством, требует воздержания от излишеств. Поэтому на рубашке – только большой крахмальный отложной воротник по французской моде для мушкетеров. А вот пояса, такие как у вас, хорошо смотрятся на дорожной одежде, а представительский хубон нужно подпоясывать тоненьким пояском. Все хубоны мы сделаем с откидными рукавами. Да, великолепные сеньоры, в Новом Свете таких костюмов не шьют, но в них вы сможете выйти и в свет, и на любой раут.

Полный аут! Он считает, что мы прибыли из Америки. Ну и ладно, но как мучительно долго тянутся примерки, мы пришли сюда утром, а сейчас солнце повернуло на полдень. На беготню вокруг Луиса мастер убил часа три, не меньше, и теперь приятель сидел с бокалом холодного вина и балдел, рассматривая приобретенные шляпы с перьями экзотических птиц. Меня мастер мучил почти столько же – влажным картоном облепил мой голый торс, обвязал, а теперь ждал, пока просохнет.

Оказывается, хубон – это не просто курточка с отстегивающимися рукавами, это настоящий каркасный бронежилет с плечевыми валиками, изготовленный из многих простеганных слоев натурального шелка. Внутри еще часто набивают вату. Представительские же дополнительно обшиваются разноцветным узорчатым атласом. Пуля этого времени его точно не возьмет, да и клинок – вряд ли. Луис говорит, что во время дуэли хубон нужно снимать. Вот почему все оно такое дорогущее.

- И штаны в обтяжку больше не делаем, только свободный покрой, можно даже сделать чуть пышными.

- Нет, излишне пышными делать не надо, – отрицательно покачал я головой, – главное, чтобы удобно было ходить и ездить верхом.

В общем, первоначально под каждого из нас подогнали белую шелковую рубашку и готовый

синий костюм с коротким пиджаком вместо хубона. Как по мне – так очень даже приличный, а по мнению мастера – годный только для морских прогулок в тропических морях. Так и не понял почему, зато сравнительно недорого, по четыре талера.

Еще с утра по нашей просьбе прямо в дом к Пьетро позвали обувщика. Оказывается, это обычная практика, хозяин даже посоветовал, кого пригласить. Заказали по две пары башмаков, коричневые и черные, а также ботфорты. Все с серебряными пряжками. Обещал изготовить через три дня, но к полудню принес дополнительно заказанные мягкие короткие сапожки с ремешками на щиколотках, которые у него часто заказывали моряки, даже офицеры, в них ходить удобно.

- Для абордажа тоже хороши, с ног не слетают, – подсказал Луис.

Всегда казалось, что в это время в Европе высший свет носил парики. Собственно, почему это казалось, мы же с отцом ездили и в Краков, и в Вильнюс, там шляхта сплошь и рядом ходила в париках. Осторожно задал вопрос мастеру Пьетро.

- Нет, и еще раз нет! Мы народ образованный и эти французские напудренные вшивые колтуки на голове носить не будем. Даже у его величества Карлоса Второго собственные пышные волосы и нет никакого парика.

Короче, еще не прижились они в Испании, и здесь их носили исключительно экстравагантные модники. Что-то такое припоминалось, вроде бы кто-то из французских королей болел сифилисом, и у него волосы выпадали, от него и пошла эта мода на парики.

Закончив примерки трех костюмов, двух представительских и дорожного, двух плащей, шести рубашек и шести пар чулок, дополнительно заказал по своим эскизам семь пар обычных семейных трусов (предлагались готовые, но были они очень длинные, слишком обтягивающие и отделанные рюшечками, поэтому мне не понравились). Кроме того, заказал из тонкого темно-серого сукна костюм типа спортивного тренировочного, с глубоким капюшоном. Договорились, что заказ будет выполнен через четыре дня, сумму заказа определили в сто пять талеров и, выплатив пятьдесят процентов аванса, выбросив обноски, направились к выходу.

Здесь впервые увидел свое отражение – у мастера Пьетро висело венецианское зеркало. Что можно сказать? То, что высокий для своего возраста, и так знал, а лицо – с тонкими чертами и темным пушком под носом, глаза синие, короткий русый ежик. Мистика – и Мишка, и Женька (в этом возрасте) похожи друг на друга как две капли воды.

Обычно к одежде относился с уважением, но без пиетета, сейчас же, проходя мимо зеркала, понял, что мое изображение мне нравится. Душа молодая, вот она и радуется. А Луис перед зеркалом около часа крутился, и так и этак.

- Все хорошо, – в конце концов констатировал он, – только шпаги не хватает.

Сначала он упирался, хотел уполонинить заказ у портного, ссылаясь на скудость бюджета, мол, на лошадь не хватит, но я настоял. Лошадь, он сказал, надо выбирать на конезаводе и отправляться туда прямо с утра, а было уже далеко за полдень, поэтому мы решили заняться покупкой оружия.

В Малаге делали неплохое оружие: и абордажные палаши, и различные ножи, имелся даже мастер по изготовлению мушкетов и пистолей, вот только местные шпаги пользовались спросом в основном у небогатых дворян и молодых офицеров. Но Луис сказал, что торговый

дом, в который мы отправились, торгует и очень приличным оружием.

Здание, к которому подошли, в начале двадцать первого века было антикварным магазином, мы даже с моими девчонками тут бывали, покупали какие-то безделушки. Здесь даже старинное холодное оружие продавалось, помню, настоящая боевая шпага, которая привлекла мое внимание изяществом и красотой исполнения, изготовленная итальянским мастером из Беллуно, стоила двенадцать тысяч евро или фунт чистого золота.

Планировка помещения особо не поменялась – все тот же зал, но оформлен, конечно, иначе. Чего здесь только не было, даже миланский доспех стоял, правда, не знаю, кому он сейчас нужен. А сколько железа, способного радикально лишить жизни, висело и лежало на стенах и стеллажах: от метательного ножичка до моргенштерна. Опять же не могу представить, кому сегодня он может понадобиться. А может, это завалялся древний неликвид?

– Чего желают сеньоры? – К нам подошел невысокий широкоплечий продавец со шрамом на левой щеке. Судя по его внешнему виду, походке и оценивающему взгляду (куда бы всадить пику или рапиру), он не всегда был продавцом.

– Шпаги хотим посмотреть и стилет. – Луис вертел головой и широко открытыми глазами жадно рассматривал колюще-режущие изделия.

– Прошу к этому столу, сеньоры. – Продавец подвел нас к длинному столу, на котором лежали освобожденные от ножен клинки. Здесь были различные шашки, сабли (тут их называют кривыми мечами), кортики, кинжалы, палаши и конечно же рапиры и шпаги. Луис сразу же ухватил в руки шпажку с витой гардой, немного укороченную, сантиметров восемьдесят пять, с заостренным кончиком и с заточкой только трети нижней части. Еще вчера обратил внимание, что большая часть молодых дворян таскает именно такие, а стандартные шпаги или узкий меч встречались нечасто.

От вида всего этого богатства моя молодая душа также взбудоражилась. Перебрав в руках шашки и сабли, перешел к шпагам. Коль решил временно осваиваться в местном обществе, надо дуть в такую же дуду. Луис говорил, что здесь даже кавалерийские офицеры, когда вне службы выходят в свет, меняют строевую шашку на шпагу.

– Это новомодная шпага, сеньор. Третьего дня завезли из Толедо. Пятьдесят два пиастра.

– Так дорого?! Да она не может стоить больше сорока! – возмутился Луис, но шпагу к груди прижал и выпускать из рук не собирался. На лошадь я ему деньги обещал дать, а если вычесть стоимость одежды, то тех, что осталось на шпагу, уже не хватит, а он ведь еще хотел дагу.

– Благородный сеньор, не могу торговаться, не хочу непроизвольно оскорбить вашу честь, но окончательно – пятьдесят один пиастр и ни реала меньше.

– Нравится? – спросил Луиса. Он коротко кивнул, несколько раз взмахнул шпагой и сделал выпад, я же кивнул торговцу: – Берем. И покажите ему дагу.

На удивленный взгляд махнул рукой:

– Все нормально, Луис.

– Даги изготовлены нашим мастером, но поверьте, очень приличные, – сказал продавец.

Из всего предложенного приятель выбрал неплохой стилет за шесть пиастров. Мне же шпаги

не понравились, брал то одну, то другую – и откладывал. Вроде бы и по весу нормальные, и баланс неплохой, но что-то не лежала душа, и все. Продавец, видя мои колебания и недовольную рожу, вышел в дверь и вернулся со шпагой, которая... Которая лежала под стеклом в этом же помещении, казалось бы, всего несколько дней назад. Это была именно та самая.

– Вещь трофейная, принадлежала английскому генералу, очень дорогая. Но можете не переживать, на все оружие выдам специальную купчую.

Мистика на мистике сидит и мистикой погоняет. Те же ножны, только не отреставрированные, а настоящие, отделанные потемневшим серебром с чеканным изображением тех же стоек и выпадов фехтовальщиков. А ведь раньше не понимал этих изображений, чего они, эти самые фехтовальщики, так раскорячились. Сейчас же, пожив Мишкой в этом мире, очень даже стал понимать. Витой, кованный из стали эфес, в том числе чаша, крестовина и яблоко, как сейчас помню объяснения продавца *того* антикварного магазина, посеребрен толстым слоем и отделан гравировкой и узорчатой резьбой. Для улучшения баланса головка внутри залита свинцом.

Продавец, глядя мне в глаза, стал медленно вытаскивать клинок. Да, тот самый, около метра длиной, шириной на два моих пальца, обоюдоострый, с глубокими долами, а в слегка играющих бликах виден узор ковки. Оставив зауженный кончик шпаги внутри ножен, он согнул его в кольцо, затем вернул в исходное положение и подал мне в руки:

– Ваш стилет будет хорошо смотреться на одном поясе рядом с этой шпагой, благородный сеньор.

В том мире ее рукоять была из слоновой кости с нарезанным по контуру винтом волнообразного сечения. Здесь же во впадине волны оказался навинчен кожаный шнур. Рука почувствовала удивительно легкое по весу оружие, гораздо легче любой из опробованных мной шпаг, удобное для руки и с отличным балансом. А душа сказала – «мое», несмотря на заявленную цену в сто девяносто пять пиастров.

Дорого. Но что такое деньги? Да они разбросаны по всему миру! В некоторых местах лежат даже кучами! Просто нужно разыскать или проторить тропинки к этим местам, подойти и поднять.

– Берем! – недолго думая передвинул кинжал правее, а на его место, то есть уже на свое законное, нацепил шпагу. Никакой яркой ленты на перевязь не придумывал, все должно быть строго функционально, взял обычный коричневый ремень. – Только рассчитаюсь талерами.

– Без разницы, хоть цехинами, – согласился продавец.

Современные пистолы моему обновленному сознанию были неинтересны, какой-нибудь крестьянин-мальчишка обыкновенной пращей засветит камешком в лоб быстрее и качественней, но делать нечего, без огненного боя тоже не обойдешься. В будущем нужно будет озаботиться изготовлением собственного огнестрела, однако сопутствующие этому делу процессы по созданию некоторых химических компонентов займут время. Так что мое новое оружие – это дело даже не завтрашнего дня.

Взяли мы с Луисом по два пистоля в седельных кобурах, по рогу с порохом, мерке и по сотне пуль. Вышли на задний двор, бахнули по два раза в пенек на дистанции в десять шагов; попал оба раза, а Луис – один. Похоже, пистолы неплохие, по крайней мере не хуже, чем были у меня

до нападения пахолков Собакевича.

Но решил заказать все же три метательных ножа по моему эскизу, которые должны были крепиться на кожаном наруче с подшитой внутри тканью. С помощью такой конструкции можно даже рубящий удар отвести, и под рукавом видно не будет.

Дополнительно заказал аркан. Показал ширину ремня и сказал, чтобы вырезали из целой боковины сыромятной кожи. Думаю, получится метров сорок, такой длинный не нужен, но пусть будет запас, пригодится.

Заплатив оружейнику триста пять талеров за все, захватив купчие и взяв подмышку завернутые в ремни пистолы, мы вышли на улицу.

Здесь-то нас и ожидали четверо аркебузирова, а с ними расфуфыренный дворянин с огромным плюмажем на шляпе и лентой офицера.

Глава 3

При нашем выходе аркебузиры попарно разошлись в стороны, контролируя наши движения, но аркебузы снимать не стали.

- Сеньоры, от имени алькальда городского совета прошу остановиться. - Офицер посмотрел вначале на меня, потом на Луиса, окинул взглядом оружие и к моей шпаге прямо прикипел взглядом, затем внимательно посмотрел мне в глаза. - Прошу простить меня, альгвасил алькальда, Альфонсо де Геррера, с кем имею честь?

- Микаэль Каширский.

- Прошу простить, как?

- Микаэль де Кашир, потомственный дворянин, владетель земель под названием Каширы в Московском царстве.

- Кабальеро Луис де Торрес, честь имею. - Мой товарищ топнул ногой и резко боднул головой.

- В городской совет поступило свидетельство, что по городу ходят бродяги с длинным клинковым оружием. Показано было на вас, сеньоры, но сегодня вы выглядите как настоящие идальго. Не могли бы вы, сеньоры, предъявить документы или каким-либо другим образом засвидетельствовать свою личность?

- Дон Альфонсо, мы бежали из турецкого рабства. Лично я был пленен при захвате алжирскими пиратами брига «Черная Чайка», приписанного к порту Барселоны, на нем стажировался перед получением патента морского офицера. Мою личность могут засвидетельствовать офицеры морской школы. Что же касается дона Микаэля, то он является моим гостем, и я готов под присягой засвидетельствовать его благородное происхождение.

- В таком случае, сеньоры, до разрешения недоразумения прошу проследовать за мной в морскую школу. До выяснения ситуации не требую сдачи оружия, но настоятельно прошу вас клинки не вынимать.

Делать нечего, фактически в классической «коробочке» с лейтенантом во главе нас доставили к школе. На наше счастье, перед входом нас встретили два морских офицера, одним из них оказался сеньор Хуан, бывший капитан «Черной Чайки» (как мы потом выяснили,

выкупленный из рабства).

Встреча вышла бурная. Нас тут же затащили к шефу школы, довольно молодому мужчине лет тридцати, и заставили поведать о наших похождениях. О себе постарался говорить поменьше, зато Луис распинался за двоих, описывал происшедшее во всех красках и сделал меня чуть ли не олимпийским героем. Все присутствующие стали кидать в мою сторону уважительные взгляды.

- Мальчик мой, а ведь мы отчаялись тебя искать. Твоя тетушка дона Изабелла была здесь, оставила выкуп, но, к сожалению, наши агенты о тебе выяснить ничего не смогли. Посчитали, что тебя больше нет. Так вот, сумма выкупа полностью погасила твою задолженность за обучение.

Начальник школы порылся в недрах массивного деревянного шкафа, нашел выписанный на имя Луиса патент и тут же торжественно вручил.

Воспользовавшись ситуацией, выяснил и для себя условия поступления в школу. Оказывается, для местных - нет ничего проще. Нужно заплатить пятьсот пиастров перед началом обучения и пятьсот - в конце, перед получением патента. Сумма значительная, не каждый отпрыск дворянской фамилии позволит себе подобную науку. Очень часто многие обедневшие дворяне, чтобы в будущем получить патент шкипера, начинали службу прямо на судне в должности унтер-офицера.

Однако сложность не в деньгах. Эта школа - строго для дворян, и мой статус должен был быть подкреплен по прошению посланника моего государства о проведении процедуры индигената [3], валидо [4] короля. В другом случае мне нужно было получить пять рекомендательных писем от известных дворян провинции. Имелся еще третий вариант - отправиться в морскую школу Барселоны, где для поступления на учебу быть дворянином не обязательно, но там обучают только управлению караккой, обычным торговым судном, и об обучении искусству морского боя речи не идет.

Честно говоря, даже не знаю, есть здесь наше посольство или нет. А если есть, выправят ли мне какую бумаженцию? Второй вариант тоже сложен, впрочем подсчитав количество присутствующих в кабинете офицеров, вышел из-за стола:

- Уважаемые сеньоры, в честь нашего чудесного спасения, а также в честь рождения нового морского офицера, разрешите пригласить вас на дегустацию лучших вин солнечной Испанской империи. Какое здесь место самое лучшее? Мой кошель попытается выдержать ваше предложение.

Вначале наступила непродолжительная тишина.

- Ну же, великолепные сеньоры, - подзадорил я компанию. - Помогите вашим молодым товарищам выбрать для хорошей попойки достойное место.

Все вдруг зашумели и одновременно заговорили, выбирая таверну, рекомендованную для посещения аристократией.

Стоит ли говорить, что на шару и уксус сладкий, а здесь - поступило предложение отпробовать самых изысканных вин. Короче, после потери в кабаке пятнадцати талеров, а так же после того, как специально нанятый экипаж развез по домам вусмерть пьяных офицеров, все пять рекомендаций лежали свернутыми в рукаве моего пиджака. Сумма, потраченная на пьянку, считалась очень значительной, но рядом с полученным результатом представлялась мне

совершенно ничтожной.

К спиртным напиткам всегда относился безразлично. В той жизни в какие-то значимые дни мог себе позволить выпить на донышке коньяку или полбокала вина, да и в этой жизни отец не приветствовал излишнее пьянство и меня к тому приучил. Но в тот день пришлось притворяться, что пью наравне со всеми, хотя и выпил раза в три меньше других, апеллируя к своей молодости, но тоже напился неслабо. А бесчувственного Луиса в номер вообще тащил на плечах.

Но оно того стоило. Казалось бы нерешаемый вопрос разрешился спокойно и к взаимной выгоде всех сторон. Эту попойку вспоминать будут долго.

Когда проснулся, голова слегка побаливала, но первой мыслью было, что в карманах, то есть в поясе гуляет ветер. Помню, к концу вечера оставалось пять талеров. Потянулся за поясом и расстегнул клапан: всего три и несколько реалов. Непонятно. Ах да! От доброты душевной два талера выдал водителю кареты, один – за извоз, второй – на чай. Так и сказала по-русски пьяная морда непривычного к алкоголю молодого человека: «На чай».

Еще запомнился конфуз, который чуть не произошел во время общения с офицерами и если бы не разъяснения Луиса, мог бы вылиться в неприятности, а рекомендаций я никогда бы не получил. Оказывается, испанские дворяне в своем кругу обращаются друг к другу исключительно на «ты». На «вы» обращаются ко всем прочим сословиям, кроме рабочего, поэтому подобное могут воспринять как оскорбление. Не считается плохим тоном, если на «вы», но с глубоким поклоном, обратился к высокопоставленному гранду, но и в этом случае, как правило, тебя воспринимают как высокородного и дают разрешение обратиться привычным образом. Вот таковы тайны Мадридского двора.

Тряхнув поясом, подумал, что пора прощаться с трофейными драгоценностями. Высыпал на руку и навскидку определил, что золота с камнями будет не меньше двухсот грамм. В общем, нормально, должно хватить на решение всех текущих вопросов.

Намочил водой из графина чистую тряпку, вытер тело, затем брызнул водички на лицо, оделся, подпоясался, водрузил на голову шляпу и заглянул за перегородку к Луису. Тот сопел и спал без задних ног.

В первую очередь вышел на свежий воздух, на террасу, где можно было поесть. Заказал миндальный холодный суп «ахабланко» с кусочком мяса, быстренько перекусил, запил кубком разбавленного водой молодого вина, почувствовал себя человеком и направился на поиски ювелирных мастерских.

Две нашел почти сразу, одну напротив другой, с сияющими перстнями на вывеске. Шел с правой стороны, поэтому в правую и зашел. Странно, мне казалось, что евреев в Испании нет, их какой-то король в каком-то году из страны изгнал, безвозвратно и под страхом смертной казни. А здесь сидел вот натуральный. Может быть, выкрест?

Высыпал на стол свое богатство и предложил оценить. Вчера пьяненькие офицеры исподволь, перебивая друг друга, просветили меня по вопросам оценки и стоимости серебра, золота, некоторых видов драгоценных камней. Поэтому можно сказать, что к посещению ювелира был подготовлен. Сидел и наблюдал, как тот, взяв толстую линзу, долго рассматривал все драгоценности.

- Двести пятьдесят пиастров могу дать за все уважаемому молодому сеньору, - огорошил меня

ювелир.

- Послушайте, Абрам...

- Сеньор, я не Абрам, меня зовут Ицхак.

- Послушайте, Ицхак. У меня была надежда сделать вместе с таким серьезным человеком взаимовыгодный гешефт. Но вижу, что этот человек несерьезен, либо ему деньги не нужны, либо он в драгоценностях ничего не смыслит, поэтому пойду дальше, - начал сгребать со стола золотые изделия.

- Пойдите! Достопочтимый сеньор, это как же так не нужны? Это как же так не смыслит?

- Да обыкновенно. Вот смотрите: один фунт золота меняют на шестнадцать фунтов серебра. Здесь же вместе с камнями золота не менее полутора фунтов, то есть в переводе на серебро около двадцати четырех фунтов. Если снять четверть, которая должна отойти в королевскую казну, то казначей любого городского совета заплатит мне те же двести пятьдесят пиастров, а то и больше.

- Вот! Уважаемый сеньор! А я вам о чем толкую? Но могу немного добавить - двести семьдесят.

- Нет, казначей уплатит такие деньги за куски золота, побитые молотком.

- Высокопочтимый сеньор хочет сказать, что эти некрасивые игрушки могут стоить дороже трехсот пиастров?

- Готов согласиться на триста, это если без камней. Камни же стоят в три раза дороже, а это еще девятьсот пиастров. - Увидев, как по багровому лбу Ицхака прямо на длинный нос покатилась капля пота, добавил: - Но учитывая то обстоятельство, что мы должны сделать взаимовыгодный гешефт, готов согласиться на тысячу за все.

Вот сейчас-то и началась настоящая торговля. Пусть Ицхак не думает, что вешает лапшу на уши молодому, неопытному мальчишке. Вспомнив базарные отношения перестроечного периода разваливающегося СССР, торговался жестоко, и когда прозвучала приемлемая сумма: «Семьсот десять, и ни реала больше!» - ударили по рукам. Вообще-то подавать руку человеку более низкого происхождения, тем более жиду - запахло, и, будучи чисто Мишкой, этого бы никогда не сделал, но имея менталитет образованного бизнесмена двадцать первого века, удивленному до глубины души Ицхаку - подал. Запаковал в пояс полученные деньги, в основном золотые цехины, и, довольные друг другом, мы уважительно раскланялись.

Морская школа - это первая стартовая ступенька, необходимая для решения поставленных задач. В принципе без этой ступеньки можно было бы обойтись, но морское дело в это время, как военное, так и торговое, имело определяющее значение в современном мире. Хорош руководитель, который не владеет определяющими вопросами. Тем более что аппарата помощников, вооруженных компьютерами, здесь нет, научно-исследовательских и аналитических институтов - тоже, поэтому до всего придется доходить собственной головой.

Не откладывая дело в долгий ящик, направился вниз, к порту. Шеф школы сидел у себя, его лицо не выражало никаких мыслей и выглядело помятым и грустным. Вяло махнув рукой и разрешив войти, принялся читать данные мне рекомендации. Когда дошел до листка, исписанного собственноручно, дважды хмыкнул. Потом, посмотрев в пространство мутным взглядом, спросил:

- Пятьсот пиастров есть?
- Да, сеньор капитан корабля [5], – подскочил и вытянулся.
- Ладно-ладно. За второй дверью налево сидит казначей. Пусть войдет.

Уже через час, расставшись с деньгами, имел на руках документ с печатью школы флота Испанской империи. Здесь черным по желтому было написано, что потомственный дворянин сеньор Жан-Микаэль, владетель земель Каширы из Московского царства, по рекомендации таких-то уважаемых сеньоров (пять имен) принят на обучение в военно-морскую школу г. Малага как вольный слушатель и что первоначальная оплата в размере пятиста пиастров в казну внесена.

Начинались занятия первого ноября, то есть еще целых два месяца можно было гулять. И теперь не стоило бояться, что кто-нибудь спросит, почему ношу такое длинное оружие, правда, привилегия эта оставалась за мной только на время учебы. Затем придется решать: либо креститься в католическую веру, принимать подданство, получать офицерский чин и, возможно, идти воевать во славу короля, либо отправляться куда подальше. Ни то, ни другое меня категорически не устраивало. Трудно найти более удобное место для старта, чем побережье Испании. Будем думать.

На постоянный двор вернулся к обеду, в этот день больше ничего не делали. А вечером по рекомендации дон Альфонсо Луис вытащил меня в свет, в местный салон француженки мадам Жерминаль. Здесь можно было лицезреть местного бомонд, слушать музыку или стихи новоявленного модного поэта, пообщаться с красивыми воспитанницами мадам.

Но, на мой взгляд, этот салон являлся не чем иным, как высокооплачиваемым борделем. Хоть и говорил дон Альфонсо, что здесь очень жесткий врачебный контроль, но, вспомнив о королевской сифилитике, притворился глупым и целомудренным мальчишкой.

Недоставало мне в этом мире заболеть какой-нибудь паскудной гонореей и сдохнуть, вылечиться-то точно не смогу. А *Он* меня не для того послал! Зато Луис два дня подряд отрывался по полной программе, радуясь, что у него сейчас все в порядке.

В будущем нужно найти постоянную секс-партнершу, такую, чтобы и к взаимному удовольствию, и без последствий.

Замок благородного семейства де Гарсиа находился по дороге в Мадрид, в районе Гранады, перед началом горной гряды Кордильера-Бетика, в двух дневных переходах от Малаги.

Дядюшка, дон Бартоломео, в прошлом году убыл по делам в Новый Свет, а тетушка, донна Изабелла, родная сестра покойной мамы Луиса, сейчас была в замке одна. На мой вопрос, покажется ли удобным мой приезд без предварительного согласия хозяев, Луис неподдельно возмутился, но в конце концов успокоился и сказал, что тетушка совсем не злая и их уже ждет не дождется. Еще два дня назад Луис отправил с почтовой каретой письмо.

Мы наконец вчера решили все свои дела, купили двух резвых меринов и сбрую, забрали у портного, обувщика и оружейника свои заказы и с вечера стали собираться. Перековали лошадей, осмотрели оружие, зарядили пистолеты и запаковали в седельные сумки вещи. Особых тяжестей не было, поэтому надеялись лошадок не перегружать и за световой день добраться до места.

Еще в той жизни при посещении Испании фактически на всех экскурсиях все гиды давали небольшую информацию о золотом веке Испанской империи. Внимательно эту трепологию, как ранее считал, никогда не слушал, но, видно, в голове что-то отложилось. Одно хорошо помнил, что годы конца семнадцатого века были годами конца могущества империи. К этому времени золотой дождь, который сыпался из Нового Света, сыграл злую шутку: в метрополии совершенно прекратилось развитие промышленности и сельского хозяйства, а ремесла оказались в загоне. Верхушка аристократии обленилась, делать ничего не желала, ведь деньги падали и так. Также, будучи в салоне мадам Жерминаль, удалось услышать некоторые сплетни и обрывки разговоров, к которым старался проявить большой интерес.

Сейчас полным ходом шла Голландская война, в которой Испания на стороне Нидерландов воевала с Францией и Англией. Успехи совершенно не обнадеживали. Король был молод и не женат, действенного участия в правлении не принимал, и в Мадриде рулила партия его матушки. В делах страны не было порядка, во дворце процветало взяточничество, за определенную мзду можно было даже купить дворянство. Имелась надежда, что вскоре король все же избавится от опеки, возьмет правление в свои руки и введет в действие законодательные кортесы.

Проезжая по дороге и наблюдая во многих местах запущенные поля, начал верить во все эти разговоры. Действительно, зачем пахать, если можно отправить крестьян в Панаму и они там просто так серебра накопят.

Шли мы ходко, только однажды на полпути остановились на сиесту у постоянного двора, где дали роздых лошадям, да и сами подкрепились. Солнце давно завернуло за полдень, а между холмами стали появляться вполне ухоженные поля.

- Здесь начинаются земли Гарсиа. Это все тетушка, - Луис показал рукой на убранные и обработанные поля. - Дон Бартоломео хозяйством никогда не занимался. Он что-то там делал, куда-то ездил, хотел хапнуть много серебра, но пока у него плохо получалось. В прошлом году они с доном Николо отправились в Новый Свет, может, сейчас получится. Но-о-о-о!

Он дал шенкелей своей лошади и вырвался вперед, перейдя на рысь. Наполовину отстегнутые рукава хубона, поднимая полы длинного плаща синего цвета, развевались как крылья, белые перья шляпы полоскались на ветру, на солнце поблескивали посеребренные шпоры ботфортов и серебряный наконечник шпажных ножен. Выглядел Луис как положено - настоящим кабальеро. Впрочем, мой внешний вид был не хуже. Правда, если приятель для дорожной одежды - костюма и шляпы - предпочел яркий салатный цвет, то у меня был темно-зеленый, а перья на шляпе - синего цвета, какой-то заморской экзотической птицы. Шпага же, как недавно говорили собутыльники, вообще мечта бретера.

- Будь осторожен, мой мальчик, - напутствовал мой новый шеф, - твоя шпага здорово притягивает взгляд. Запросто можешь нарваться на более искусного в фехтовании наглеца, который ради такого трофея захочет вызвать тебя на дуэль.

Знаю прекрасно, что так может быть. Даже когда покупал ее, подспудно понимал возможные последствия для одиночки, обладающего такой вещью, но отказаться не смог.

Не могу назвать себя хорошим или плохим фехтовальщиком, но работаю с различным железом уже десятый год. Вначале меня обучал дядька Свирид, лучший саблист Гнежинского полка, немало уроков давал отец. А четыре года назад вернулся дед Опанас, который вместе с сотней запорожских казаков пять лет служил в наемных войсках короля Франции. Шпагой он владел виртуозно, мне часто доводилось слышать о пяти его дуэлях и о приемах, которыми победил

своих противников. Так вот, все последние годы они меня гоняли, как говорится, и в хвост и в гриву, дядька Свирид – с саблей, а дед Опанас – со шпагой. Но из той, другой жизни мне помнится, что существует несколько школ фехтования, значит, нужно будет взять уроки испанской школы и посмотреть, чем она отличается от французской.

Дал посыл своему Нигеру и поспешил за Луисом. Нигер – так зовут моего мерина. Он не совсем вороной и не совсем гнедой, масть переливается темным шоколадом, поэтому назван вполне соответствующе. Выскочив за очередной перелесок, увидел ветряк мельницы и далее на холме – стены и башни замка. Мы перешли на галоп, и вскоре очертания замка стали видны очень четко. А поднявшись чуть выше на холм, справа увидели небольшой город. Вероятно, это Гаен.

Замок оказался прямоугольным, по углам располагались четыре круглые башни. Пятая, вытянутая в форме эллипса, была надвратной, а главные ворота смотрели в сторону города. Ров и вал находились в хорошем состоянии. Рядом с замком текла река, поэтому во рву плескалась чистая вода.

Осадив лошадей перед мостком, мы уже спокойно переехали через ров. Нас, видно, увидели издали и Луиса опознали. У открытых ворот стояли два кирасира с алебардами, а на ступеньках донжона столпились домочадцы, среди которых выделялась невысокая худенькая особа в слегка декольтированном тяжелом платье, с лицом, закрытым черной вуалью. Когда она откинула вуаль и ее лицо расплылось в улыбке, оказалось, что это жгучая брюнетка с карими глазами, красивая молодая девушка лет двадцати пяти. Почему-то возникла ассоциация с изображением Кармен на афише оперного театра в Париже, партию которой исполняла моя Мари. Чем-то они были похожи.

- А тетка где? – тихо спросил Луиса.

- Так вот же она! – крикнул тот восторженно и прыгнул с лошади.

Понятие «тетушка» для меня всегда ассоциировалось с женщиной в возрасте, а эта девушка совсем не походила на женщину средневековья, которая замужем более десяти лет.

К всеобщему огорчению, выяснилось, что дона Изабелла уже полгода находится в трауре. После нападения пиратов на корабль, где погиб ее супруг, стала вдовой. Впрочем, на убитую горем она не походила, наверное, со своей участью давно смирилась.

К моему присутствию дона Изабелла отнеслась благосклонно. Но какими глазами она начала смотреть на меня, когда Луис, оказавшись в центре внимания, стал в очередной раз чрезмерно превозносить мои подвиги (правда, утаив о том, кем на самом деле мы состояли при хозяйке)! И как тоскливо мне было видеть этот взгляд. Теперь я знал, чем они так похожи, дона Изабелла и моя Мари.

- Восхитительная дона, скромный Луис преуменьшает собственные заслуги. Если бы не он и не его умение мореплавателя, мы бы выбраться не смогли. – Тот от моей похвалы прямо зарделся.

Дона с благодарностью мне улыбнулась и распорядилась обустроиваться и готовиться к обеду (так называемому ужину).

Дворецкий, благообразный старичок, поселил меня в просторную комнату. Помывку организовали быстро: двое пацанов, которые посматривали на меня восторженными глазами, притащили бадейку и теплую воду, следом пришла старушенция (вроде бы у них молоденьких горничных нет) и повторила уже известную мне процедуру.

Ужин с разговорами и воспоминаниями затянулся допоздна. В конце концов донна Изабелла спохватилась, что мы с дороги должны отдохнуть, и с сожалением распрощалась.

Спал под балдахином в мягкой постели. В отличие от постоянного двора, где меня нещадно покусали блохи, здесь, на удивление, ночь прошла спокойно, и утром нигде не чесалось. Одевшись в тренировочный костюм, сшитый по эскизу модели двадцатого века, и обувшись в мягкие сапожки, нашел выход на улицу и стал нарезать круги вокруг донжона.

Обратил внимание на то, что трое стражников, которые стояли на стенах, и их командир, который облокотился на перила у входа в надвратную башню, скептически наблюдали за глупым мальчишкой, бегающим по кругу не от здравого ума, и посмеивались. А когда я стянул с себя одежду и попросил вылить на голое тело пару ведер холодной воды, желающими сделать это оказались все вышедшие из казармы кирасиры, но очень удивлялись, что такое дело мне нравится. С тех пор на то, как на меня выливают холодную воду, прибегала смотреть вся дворня. Дона тоже наблюдала: тихонько, в окошко, из-за шторы. Ну и ладно, точно так же делал дома, в Каширах, и ничего, не стеснялся и сейчас не вижу ничего такого, чего бы можно было стыдиться.

Познакомился с Педро, командиром охраны замка, Луис сказал, что он неплохой рубака. И вот ежедневно по паре часов мы стали проводить с ним в спаррингах на палашах. Оказалось, что для меня не соперник. Даже втроем, когда он брал еще двоих кирасир, сделать они со мной ничего не могли. Проходило совсем немного времени, по моим представлениям минут восемь – десять, и последний условно убитый отваливал в сторону. Нет, такие вояки для наших казаков совсем не противники.

Поначалу Педро очень психовал; ну как же, какой-то мальчишка разделал его, матерого бойца, под орех, затем резко сменил свое отношение ко мне на уважительное. Теперь не было такого дня, чтобы он яростно не пытался меня достать.

Луис тоже, хоть и хвастался своими отличными учителями, оказался не ахти каким фехтовальщиком, по крайней мере был слабее меня. Вдруг вспомнился дед Опанас, который до последнего дня больно лупил по заднице за каждую, по его мнению, ошибку, но отцу и пану Чернышевскому за чаркой громко шептал, потрясая кулачищем и думая, что ничего не слышу: «Из моего внука будет добрый казак!»

Ничего-ничего, и вы, отец, и вы, дед, и вы, остальные подло убиенные братья-товарищи, подождите совсем недолго. За каждую каплю пролитой вами крови рассчитаюсь сполна.

Так и проводил дни: утром бег, затем спарринги – один после завтрака, второй ближе к вечеру. И два обливания холодной водой. Дворня и кирасиры стали привыкать к таким чудачествам. Луис, большой любитель спать до обеда, тоже однажды попробовал, но затем завизжал так, что перепугал всю дворню, а тетушку еще и смутил своим видом. Тоже мне, моряк называется.

Вечера, а очень часто и все время сиесты мы проводили в обществе донны Изабеллы. Одинокая, лишенная простого человеческого общения, она еще и еще раз пыталась Луиса о его мытарствах, затем переключалась на меня. А мне находиться рядом с ней было и приятно, и грустно, меня тянуло к ней, она напоминала мне Мари. Нет, я не влюбился. Несмотря на молодое тело с возбужденными гормонами, влюбиться мужчине с суммарным возрастом в восемьдесят лет, наверное, достаточно сложно. Отвечая на ее расспросы, поведал о себе, о покойных родителях, о своей стране, земле, людях, обычаях. Она слушала о неведомой Украине, Литве, Московии и от удивления широко распахивала глаза.

Находясь в замке, старался тоже не скучать, очень заинтересовался его архитектурой, облазил и стены, и башни. Интересно выглядела самая большая из них, вытянутая овалом. Если на всех остальных были бойницы с зубцами прямоугольной формы, крытые свинцом, то здесь имелись еще три выносных, для нападающего противника очень неудобные. В защитных стенах наверху – бойницы, а внизу – узкие защитные окошки. Впрочем, кому здесь нападать? Феодалы друг друга не прессуют уже лет пятьдесят, поэтому нынешняя охрана – чисто декоративная, разве что от разного бродячего отребья.

Сам замок был сложен из камня, и мне показалось интересным побродить по коридорам и заглянуть в различные ниши и закутки. Еще в той жизни мы с Мари и Лиз частенько выезжали на экскурсии – поглазеть на разные сохранившиеся крепости.

Однажды, зайдя в одну глубокую нишу, услышал приглушенные, но отчетливые голоса. Я видел, что в замок приехала какая-то карета, и понимал, что хозяйка, наверное, общается с гостем, а здесь почему-то все было слышно. Развернулся, собираясь уходить, но резко остановился, услышав повышенный тон разговора.

- Нет! Вы ведете себя вызывающе, и я требую уважения, вы в доме де Гарсиа! – говорила донна Изабелла.

- Да! Когда твой де Гарсиа приходил ко мне за деньгами, он кланялся как последний свинопас. И никуда ты не денешься, – возразил злорадный голос.

- Но это не остров какой-то, наши земли вместе с замком стоят пятнадцать тысяч золотом, то есть восемьдесят четыре тысячи серебром.

- Ну и что? Поблагодари своего покойного никудышнего супруга, который заложил все это за двадцать тысяч пиастров и утопил в океане вместе с собой, кораблем и товаром.

- Но вы ведь тогда согласились! Сейчас у меня есть только одиннадцать тысяч. Ведь я рассчитывала на эту отсрочку, мне обещал дядя покойного мужа, он хороший человек и выполнит свое обещание, вы же знаете. Дядя вот-вот должен вернуться из Нового Света!

- Обстоятельства изменились, у тебя три дня.

- Тогда завтра же выставлю все на продажу и получу тысяч шестьдесят, но никак не двадцать.

- Не успеешь. И ответ мне нужен немедленно. Либо мы идем под венец и этот вексель будет твоим приданым, либо через три дня, если не выложишь двадцать тысяч, уберешься из замка на тележке, запряженной старым ослом. Запомни, все это имущество так или иначе будет принадлежать мне. И поверь, мне очень хочется, чтобы хозяйкой здесь осталась именно ты.

- Вы желаете за четверть цены забрать мои земли. Вам хочется, чтобы вся учиненная вами грязь не вывалилась наружу, чтобы свет не осудил вас!

- Это неважно, чего мне хочется, важно, что как жена ты меня вполне устраиваешь.

- Мне нужно подумать.

- Два дня. Затем вынужден буду пойти в исполнительную службу алькальда и объявить о положении дел.

В это время послышались какой-то стук и голос Луиса:

- Тетушка, ты здесь? Можно к тебе?
- А! Луис, мальчик, здравствуй. Слышал, ты попал в плен к пиратам?
- Здравствуй, дон Аугусто. Да, было дело, но выбрался.
- Луис, дон Аугусто уже уходит.
- Дона Изабелла! Прощу тебя. Буквально несколько слов о делах Луиса.
- Хорошо, - сказала она, послышался удаляющийся стук каблучков.

Я тоже не стал задерживаться, вышел из ниши и по извилистому коридору направился к выходу. На улице ярко светило солнце, время подбиралось к полудню. Прямо посреди двора стояла карета гостя, запряженная парой гнедых, на ее козлах неподвижно сидел аккуратно одетый здоровенный мавр в соломенной шляпе с большими полями. А на плацу у казарм, одна из которых давно пустовала, Педро вместе с десятком отработывал имитацию отражения атаки противника в пешем строю. Увидев меня, махнул рукой, распустил бойцов и слегка улыбнулся:

- Полить вас водичкой, дон Микаэль?
- Не сейчас, Педро, хочу немного мерина размять.
- Сейчас распоряжусь. Эй, Хуанито. - Из конюшни выскочил мальчишка лет тринадцати. - Оседлай сеньору его вороного.
- А это кто приехал, сосед доны Изабеллы?
- Да нет, - скривился он, - это дон Аугусто де Киночет, он живет в городе, года три как приехал из Нового Света.

Педро склонил голову, нахмурил брови, немного помолчал и продолжил:

- Нехороший человек, у него в услужении была племянница моего десятника, нехорошо он с ней поступил. Теперь к нему никто не хочет наниматься, так и живет со старой каргой и двумя маврами, с которыми прибыл из Нового Света. И какие у нашей хозяйки с таким человеком могут быть дела? - Затем, поднял голову, взглянул на меня и замялся. - Простите меня, дон Микаэль, я не должен был этого говорить.
- Да ерунда, - хлопнул его по плечу.

В это время мальчишка вывел моего Нигера.

Глава 4

Где живет Аугусто де Киночет, разведать быстро. Проскакав около четырех километров к городу, немного постоял на въезде, у рыночной площади, и увидел приближающуюся карету. Что-то недолго он с Луисом беседовал. Отпустив карету метров на сто, двинулся следом.

Прямо возле здания, похожего на муниципалитет (здесь слонялись два стражника), экипаж свернул направо. Эта улица оказалась совсем короткой, домов по восемь с каждой стороны, но жили здесь, видно, люди богатые. У них были не просто дворы, а целые усадьбы с газонами, лужайками и садами.

Карета подъехала к предпоследнему дому по левой стороне улицы, и Нигер, не спеша, протопал мимо ворот, которые открывал мавр, одетый в белую полотняную рубашку, укороченные штаны и сандалии. Стараясь не показывать своей заинтересованности, коротко окинул взглядом обширную лужайку перед домом и дворовые постройки. Сам домик оказался не очень большим, всего в два этажа, но выглядел аккуратным и симпатичным. На высоких ступеньках стояла старуха в черных одеждах с клюкой в руках. Успел заметить, как с въехавшей во двор кареты сошел одетый по последней европейской моде крепко сбитый мужчина лет сорока, с тяжелым подбородком и хмурым взглядом. Почему-то именно таким его и представлял.

Улицу пересекал квартал домов попроще. Здесь увидел бегающих с палками, имитирующими мечи, детей лет десяти-одиннадцати.

- Эй! - вытащил из пояса медный реал и потряс им над головой. - Кто хочет заработать реал?

- Я! Я! Я! Благородный сеньор!

- Мою лошадь испугала большая белая собака, очень злая. Кто подскажет, где эта собака живет, получит реал.

- Но здесь нет собак, сеньор.

- Как же нет, она должна жить вон там, у зеленых ворот.

- У зеленых ворот живут только злой сеньор, два мавра и старая ведьма, а собаки там нет, - прошепелявил самый младший, а все остальные дети утвердительно покивали головами. Оказалось, что здесь вообще ни у кого нет собак. Может быть, в этом времени собаководы в частном секторе еще селиться не стали?

- Почему вы думаете, что старуха ведьма?

- А когда мы залезли к ним в сад, - сказал второй мальчик, - она на нас так кричала, как ворона, и размахивала руками, как крыльями. Разве вы не знаете, сеньор, что все вороны - прислужники ведьм?

- Ах! Ну да, ну да.

Одарив детей реалом, повернул налево и сделал круг по параллельной улице. Здесь домов не было, но через дорогу все пространство до следующего перекрестка занимал виноградник. Искоса бросая взгляды, осмотрел возможные подходы с тыльной стороны, где расположился чей-то аккуратный сад. Доступ к нужному двору выглядел вполне нормальным и для проникновения удобным. Что значит для молодого, здорового организма, прошедшего КМБ [6] в разных вариациях, какая-то полоса препятствий с двухметровым забором?

Обратил внимание на то, что два окна второго этажа застеклены, а это стоит немалых денег. Вероятно, в этих комнатах или комнате находятся апартаменты хозяина. Остальные окна были с открытыми ставнями и заделаны, как и везде, деревянными решетками.

Не останавливаясь, вернулся к выезду из города. Ворота оказались настежь распахнуты и если закрывались, так лет двадцать назад. Объехав окраины, понял, что войти в город можно незаметно в любое время суток - со всех четырех сторон.

По большому счету, в эти разборки вмешиваться не следовало. Они меня не касались ни с

какой стороны, и двигаться по намеченному пути не мешали. Может быть, и прошел бы мимо, но душа почему-то возмущалась. Этот взгляд, который так похож на взгляд моей любимой женщины, погибшей в том мире... Нет, не хотелось бы мне, чтобы какая-то мразь когда-либо так унижала мою супругу, или мою дочь, или мою внучку.

Поспрашивав осторожно Луиса, выяснил, что богатый и солидный человек по имени Аугусто Киночет объявился здесь три года назад. Но благородным стал совсем недавно, приставку «де» то ли купил, то ли король пожаловал за какие-то заслуги. Некоторые говорили, что это бывший пират. Как бы там ни было, но с доном Бартоломео они чуть ли не дружили, да и местные феодалы относились к Аугусто доброжелательно, он частенько ссужал им некоторые суммы, однако в салонах его не принимали и в свет приглашали редко.

Так как ростовщичество в стране было запрещено и все кредиты брались только в банках, дон Аугусто обычно договаривался с заемщиком за какие-то преференции. Но все равно так называемое одолжение оформлялось нотариально и на него распространялись все законы империи. Ходили слухи, что дон Аугусто своими щупальцами опутал почти все графство. А еще говорили, к нему воры лазили. Так троих мавры ножами искромсали, а четвертого сам хозяин застрелил.

Что ж, послушав откровения Луиса, спрятал душевные порывы подальше и решил трезво и объективно оценить ситуацию.

Прикинув и так, и этак, определился по первоочередному пункту: в любом случае осваиваться в мире надо и временно укореняться где-то придется. И почему бы именно здесь не пустить один из маленьких корешков? Почему бы этой миловидной и приятной во всех отношениях доне не помочь, тем самым, не принуждая, сделав ее обязанной себе? И почему бы этот замок не сделать базой для решения некоторых вопросов?

Поступок циничен? Да, но и благороден. Эта партия должна быть разыграна, несмотря на то что будет оплачена чьей-то кровью.

Ты, господин Киночет, отморозок порядочный, но я тоже не ангел. Конечно, будь у меня только знания и умения этого времени, на такой шаг вряд ли решился бы. Не хватило бы хитрости и ума, извращенного отношениями с криминалом в далекие девяностые годы двадцатого века.

И вот сейчас, затаившись на дереве под сенью ночных звезд, около часа наблюдал за двором и задними окнами нужного дома. Сегодня, чуть за полночь, натянув тренировочный костюм и мягкие сапожки, занялся несложными сборами. Еще днем разрезал пополам аркан, одну половинку свернул и положил в узел, туда же вложил наручи с метательными ножами и кинжал. Шпагу решил не брать, в помещении ею работать сложно. И огнестрел решил не брать: любой шум – провал дела. Зачерпнул в камине прошлогодней золы и вымазал лицо. Это, конечно, не специальный грим, но для сельской местности сойдет.

Вытащил второй кусок аркана, один конец привязал к окну и, подняв решетку, второй конец сбросил с третьего этажа вниз. Закинул через плечо увязанный узел, спустился на улицу и, стараясь не шуметь, по заранее выбранному маршруту направился к западной стене. Здесь вал и обрывистый берег омывала широкая река, поэтому местная стража этот участок стены почти и не контролировала, только заглядывала изредка. Обленились до упора. А что такое нормальному мужчине перемахнуть речушку шириной сто метров?

Забрался на стену и привязал к зубцу конец еще одного аркана. Снял обувь, разделся догола и

все уложил в узел, который закрепил на голове.

Спуститься прямо к воде, переплыть, одеться и сделать марш-бросок прямо сюда сложности не составило.

Сидя на дереве, никаких шевелений ни здесь, ни на соседних участках не услышал, только сквозь решетку открытой ставни одного из окон на первом этаже раздавался чей-то могучий храп. Решил для себя, что пора делать дело. Слез с дерева, подошел к забору, подтянулся и, послушав пару минут ночь, перемахнул во двор.

Звезды на небе едва мерцали, но луны не было, ночь стояла темная. Под ноги надо было смотреть внимательно, поэтому, низко согнувшись, не спеша и очень осторожно ступая, обошел вокруг дома. Теперь знал точно, где и кто спит: тише или громче, но храпели все четверо. Проходя на корточках под окнами, надавливал большим пальцем на каждое. Как и следовало ожидать, все они оказались заблокированы. Думаю, та же история и на втором этаже.

Сегодня днем, увидев, как кухарка в замке веником гоняет кошку, вспомнил шутки и приколы молодых лет той жизни. Проходя мимо кухни, под дверь несколько раз мякнул мартовским котом и быстро спрятался за угол. Получилось! Кухарка выскочила в коридор, размахивала веником и кричала: «Вот я тебе задам, поганец!»

Хотелось бы, чтобы и сейчас получилось, иначе придется ожидать под ступеньками, сидя за бочонком с водой до самого рассвета. Но отыгрывать назад не буду, решение принято.

Вытащил кинжал, прокрался на ступеньки и у входа прислушался. Услышав тихий храп прямо за дверью, запустил негромкое мяуканье. Буквально через пару секунд там все стихло, но я, не останавливаясь, перешел на мартовский вой с переливами. Минуты две там терпели, потом что-то стукнуло, хлопнуло и послышался скрежет задвижки. Еле успел отпрянуть к стене, когда дверь резко распахнулась. Кто-то, бормоча под нос, стал наклоняться, дабы рассмотреть в темноте того самого вредного кота, но нарвался горлом на кулак. Раздались глухие захлебывающиеся хрипы. Рука сама прижала голову к груди, а корпус рывком крутанулся на месте.

Тяжелый мавр. Был. Его безвольное тело прислонил к стенке и потрогал пульс – готов. Прикрыл входную дверь и тихо постоял. На мое счастье, в коридоре горел огрызок свечи, наверное, только что зажженной. Из коридора вело две двери: одна, открытая, – в большой зал с едва заметным в темноте контуром лестницы, ведущей на второй этаж; а вторая, закрытая, – в помещение, где раздавался тот самый громкий храп, слышный даже на улице.

Не оставлять же врага за спиной, поэтому продолжил. Проник за дверь и определил расположение тела. И не только по звуку, но и по слабо проникающему сквозь решетку отблеску звезд. Это был второй мавр, кучер. Слегка толкнул, услышав: «А?» – нанес удар в сердце. Его смерть оказалась мгновенной и тихой.

Все. Тыл чист, старуха – побоку, а с пиратом, который в своей жизни махал разве что абордажной саблей, разберусь. Выскользнул из слабо освещенного коридора и стал красться на второй этаж. Секунды бежали, нужно было бы работать более оперативно, но, даже не зная, скрипят ли ступеньки лестницы, понимал, что спешить нужно не торопясь.

Ступеньки и коридор второго этажа оказались застланы ковровой дорожкой, звук шагов скрадывался, поэтому секунд через десять я уже стоял у нужной двери. Здесь тоже слышалось

тихое похрапывание, но то, которое должно было быть женским, сейчас слышно не было. Наверное, старуха повернулась на другую сторону и дрыхла.

Дверь открывалась вовнутрь. Распахнул и оценил обстановку. Объект был один, спал головой к окну, выставив задницу из-под одеяла. Подскочив в несколько прыжков, рукоятью кинжала из-за левого плеча нанес удар в затылок. Храпеть он перестал, но пульс не исчез, значит, в отключке. Свяжу чуть позже, а сейчас...

Тупая боль рванула левую руку, что-то с грохотом свалилось на пол и заскользило к стене. Отшатнулся в сторону и, увидев мелькнувшую тень, тут же швырнул кинжал и уже через мгновение понял, что бросок вышел не на поражение. Тень стремительно надвигалась, но мне все же удалось вырвать из наручи и швырнуть метательный нож. Что-то опять промелькнуло мимо моей головы, глухо вонзилось в пол, кто-то с рычанием навалился сверху. Ощувив на лице пальцы, которые чуть не выдавили мне глаз, выхватил еще один нож и с силой вогнал напавшему в левую сторону корпуса. Рычание прекратилось, тело расслабилось, и я скинул его с себя, почувствовав под ладонями женскую грудь.

Убил женщину! По телу прошел озноб.

Но я же заблаговременно спланировал это убийство?! И вроде бы к крови привык, даже к морю крови, но сейчас почему-то меня здорово потряхивало.

Чтобы успокоиться, больно закусил губу.

Все ясно, это трясло не меня, Михайлу из настоящего, а меня, Женьку из будущего. Почувствовав солоноватый привкус собственной крови из прокушенной губы, пришел в себя, потряхнул головой и встал.

А ведь только что был на волосок от гибели! Моя самоуверенность могла сыграть злую шутку. Сколько времени находился в этом доме? Где-то полторы-две минуты? А она, видишь, что-то почувствовала, собралась и атаковала. Действительно, настоящая ведьма. Но я тоже хорош, экспромтом провел малоподготовленную акцию. Сегодня мне ужасно повезло, а на будущее такие глупые выходки нужно исключить категорически.

Наклонился и потрогал то, что вонзилось в пол: похоже на топорик с длинной ручкой. Томагавк, наверное.

Основательно связал бесчувственного господина Аугусто, на всякий случай пусть немножко поживет, вытащил из перевязи его шпагу и пошел вниз за свечой.

А ведь старуха-то оказалась не совсем старухой, лет сорок, не больше. С чертами лица, очень схожими с Аугусто, видно, близкая родственница, только в черном прикиде, с натянутым на нос платком и клюкой в руках.

Сообразив, что часа три до рассвета у меня еще есть, решил устроить грандиозный шмон. Однако ящик с бумагами, сундук с деньгами и шкатулку с драгоценностями нашел сразу.

Когда разыскивал и возвращал на место свое оружие, меня заинтересовал не до конца задвинутый к стене угол шкафа. Потянув его, увидел, что шкаф открывается, как створка двери на шарнирах. За ним действительно оказалась закрытая дверь. И ключ искать не пришлось, он висел на золотой цепочке на шее у клиента.

Залоговый вексель на земли и имущество Гарсиа лежал прямо сверху, здесь же хранились и

другие залоговые и даже банковские векселя на разные немалые суммы. Поэтому, не теряя времени, все бумаги запаковал в лежавший тут же солидный тубус, туда же высыпал драгоценности.

Наличных денег тоже было немало: килограмма четыре золотых монет и серебра килограмм пятнадцать. Увязав все в узлы, решил дальнейший обыск не проводить, а быстрее сматываться, подобрал только широкий поясной ремень господина Аугусто и пристегнул поверх своего. Нагрузившись, как мул, воспользовался шпагой по ее прямому назначению и вернул хозяину, навечно его упокоив.

Не знаю, сколько времени спал, наверное, часа три, но вскочил, как всегда, с рассветом. Организм ощущал усталость, спать хотелось неслабо. Нет, не физическую усталость, а чисто психологическую. Однако показывать это на людях было нельзя, тем более сегодня.

Одевшись, выбежал на улицу и стал выполнять свой обычный комплекс, а Педро, увидев меня, вытащил тренировочные палаши.

День начался.

Ночью вернулся без эксцессов и происшествий. Узел с наличными деньгами притопил в заливчике реки, в километре от замка, а тубус с документами и драгоценностями смог пристроить на голову вместе с одеждой и оружием и притащить с собой.

Следов своих ночных походов нигде не оставил, арканы тоже убрал, свернул и спрятал на место. Да и здесь моей отлучки никто не заметил.

Ох, рано
Встает охрана...

Конечно, гнать таких нужно в шею, но мне – на руку.

Впрочем, сегодняшний день начался необычно. И Педро во время спарринга был какой-то дерганый и излишне резкий, и моя горничная выглядела испуганной, да и вся прислуга вела себя настороженно. Вначале подумалось, что причина, по которой нанес визит недавний гость, для обитателей замка является тайной Полишинеля, но, призвав и расспросив девочку-горничную, выяснил следующее.

Сеньора всегда была сдержанной и никогда не теряла самообладания, за что вся прислуга замка, а также старшина всех шести ленных деревень ее очень уважали и любили. А еще на протяжении десяти лет хозяйствования никто не видел и не слышал, чтобы донна плакала. Сдерживалась, даже когда поступило известие о гибели супруга. И вот половину этой ночи хозяйка рыдала навзрыд. Все очень расстроились, и никто не знал, что случилось. Мог знать только дворецкий Паоло, который служил еще ее отцу и приехал когда-то в замок вместе с сеньорой.

Девчонка осмелела и стала щебетать безостановочно, пока не прервал. Пора было спускаться в столовую.

Завтрак, обычно начинавшийся веселыми приветствиями и громкими возгласами донны Изабеллы, прошел тихо и мрачно. Сама хозяйка, одетая в закрытое платье темно-коричневого цвета, прошествовала к столу какой-то тяжелой походкой, ее лицо было уставшим, а глаза – красными. Также молча поковырялась в тарелках, затем пожелала всем приятного аппетита и

удалилась.

Говорить что-либо в присутствии прислуги, толпящейся за спинами, было нельзя, поэтому, встав из-за стола, попросил дворецкого:

- Проводите меня, Паоло.

Он подхватился и последовал за мной в коридор, где мы остановились.

- Слушаю вас, дон Микаэль.

- Паоло, попросите сеньору принять меня, это поможет разрешить некоторые возникшие проблемы. - Его лицо едва заметно скривилось, в глазах промелькнули легкое удивление и непонимание. - Это очень важно.

- Хорошо, дон Микаэль. - С терпеливостью человека, который тратит драгоценное время на ненужную болтовню, дворецкий учтиво поклонился и добавил: - Доложу немедленно и, как только сеньора изволит, сразу же вас уведомя. Но боюсь вас огорчить, это будет не ранее времени сиесты. Дона Изабелла сейчас занята решением неотложных дел.

- Но она не собирается покидать владения?

- Сегодня никуда не собирается, это абсолютно точно. - Он еще раз поклонился, развернулся и направился по коридору в глубь замка.

Судя по бесстрастному выражению лица, Паоло меня не воспринял и не услышал. Ну чем таким важным может помочь сбежавший вчера из рабства молодой дворянин неведомой страны? Тем более когда цена вопроса неподъемная - весом почти в восемьсот испанских фунтов серебра. Да, по системе СИ двадцатого века это полтонны.

Что ж, времени - вагон и маленькая тележка, нужно заняться решением собственных неотложных дел. Теперь можно спокойно посмотреть, чего же приобрел благодаря безрассудной и рискованной акции.

Закрыв дверь комнаты на задвижку, подошел к оконной решетке, где стоял секретер или, правильнее сказать, комод, вытащил тубус и высыпал на верхнюю крышку драгоценности - россыпь, в коробочках и мешочках. Но в первую очередь меня интересовали документы.

Подтащил к комоду тяжеленный стул, уселся и приступил к делу. Там, в ящике, разные листочки и свитки лежали в разных отделениях, но, когда уходил, в тубус их впихивал в общей скрутке, поэтому сейчас разворачивал каждый лист, читал и раскладывал по собственному разумению.

Первая группа документов, самая большая: это переписка некоего Луи Мерсье с различными людьми. Например, одно из писем, адресованное ему, было написано на каком-то обрывке листа плохоньким французским языком. Вот небольшая выдержка: «Имей в виду, Луи, кроме нас двоих, только Одноглазый знал, что в казне Братства кроме двенадцати тысяч луидоров были и ценные бумаги Французской Вест-Индийской компании. Он же единственный знает, что ты на самом деле испанец. Подумай, может, стоит с ним разобраться. А еще ходит слух, что служанка, которая отравила стариков Кемпферов и вычистила железный денежный ящик торгового дома их сына Джона, это твоя Анна. И что сама она вывезти все не могла, ей кто-то помог. Об этом болтали в таверне Хромого Пью. Так что на Тортугу лучше вам не соваться.

Заберешь это письмо у Красотки и помни, что она знает и меня, и тебя, и Анну. Отблагодари ее, и после этого всем будет спокойней. И сваливай в Старый Свет. А мой кузен давно вернулся и перебрался в Константинополь, у него там связи на самом верху. Здесь тоже есть чем поживиться. Приезжай, когда кончится война, но, если срочно надо, меня найдешь в Марселе. В Черепаше спросишь Андре Музыканта и скажешь, что тебе нужен Кот. Не задерживайся, здесь нам не рады. Привет сестре».

В других письмах ничего особо интересного не было, но, когда просмотрел их, стало совершенно понятно, что Луи Мерсье и его сестра Анна – это не кто иные, как возникшие из ниоткуда кабальеро Аугусто де Киночет и «старуха».

Письмо Кота оставил для собственного архива (пусть пока полежит, кушать не просит), остальное отложил для растопки камина.

Вторая группа документов – это дело, связанное с изнасилованием и убийством двух девочек десяти и двенадцати лет, синьорин Марианны и Розарии де Альвадеро, племянниц герцога Андалусского, а также их сопровождения. До сегодняшнего дня считалось, что это дело рук неизвестных разбойников.

Вот одно из покаяний дословно: «Перед лицом Господа нашего я, Адриано-Николо сын Пьетро да Минге, каюсь в грехе великом, свершенном не со зла, а в результате козней неназываемого, смутившего душу мою к жажде чрезмерного питья вина и помутившего рассудок. Это случилось на второе воскресенье от дня поминовения Всех Святых и усопших, девятого ноября тысяча шестьсот семьдесят седьмого года от Рождества Христова. На протяжении четырех лет подряд сеньор Антонио Уго, сын графа Манаги, на этот день приглашал погостить двух своих друзей, меня и сеньора Луиса Переса-и-Гаррури, младшего брата графа Гранады. Здесь мы охотились и весело проводили время. Так же было и в этот раз. Мы добыли оленя, изрядно выпили вина и оставили слуг готовить пикник, а сами погнали к недалеко расположенной ферме, куда должны были доставить дам, заказанных для развлечения. Мы выскочили к кустам у самой дороги, где в это время присели три женщины, которые задрали платья и оправлялись. Дон Антонио крикнул: «Хватаем этих!» – мы подскочили и забросили их через седла. В это время из-за кустов выбежали двое мужчин, вооруженные аркебузами, мы выхватили пистолы и их застрелили, затем застрелили еще троих. У нас у каждого было по четыре заряженных пистолы, но я убил только одного, а по двое других убили мои друзья. Отъехав немного в сторону, мы своих женщин кинули наземь и тут же начали развлекаться. Дону Антонио и дону Луису достались девственницы, а мне – дама постарше. Они что-то там кричали о жалобах герцогу, но мы поняли, в какую беду попали, только удовлетворившись. А еще в тубусе одного из убитых было письмо к нашему герцогу, из которого стало ясно, что обе молоденькие девчонки являются его родными племянницами, которые отправлены овдовевшим отцом из Венесуэлы в Старый Свет на воспитание до достижения совершеннолетия старшей (то есть четырнадцати лет). Чтобы скрыть этот случай и не подвергать себя опасности преследования со стороны герцога, мы решили их убить и имитировать ограбление. Каждый заколол ту, с которой развлекался: дон Антонио – синьорину Розарию, дон Луис – синьорину Марианну, а я – служанку, имени которой не знаю. Все так и было. Написал собственноручно».

Здесь же лежали два аналогичных покаяния двух других фигурантов, а также почему-то не уничтоженное и хранившееся у Антонио де Манаги то самое письмо младшего брата к старшему.

Каким образом эта информация попала к лже-Луи-Аугусто, непонятно, но суметь каждого из донов подстеречь, захватить, спрессовать и выдавить нужное признание для такого прожженного и хитрого пирата было делом техники, не более.

Так вот откуда разговоры, которые слышал на постоялом дворе, что в Андалусии под ногами разбойников земля горит: любое нападение расследуется, пока не будет изловлен последний бандит шайки.

В моих руках сейчас лежало три золотых дойных коровы. Или одна большая бомба. Первый вариант был противен моей чести этого времени, а также понятиям и воспитанию того, поэтому доильный аппарат, которым стопроцентно пользовался пират, я включать точно не собирался. Но эти знания для меня дорогого стоили, и не воспользоваться ими было бы неправильно. Значит, делаем для этих документов отдельную скрутку и откладываем в мой будущий архив.

Третья группа документов: различные купчие на небольшие участки – на Тортуге, в Аргентине и здесь, в Гаене. Так, на фиг. Не хватало еще светиться в каких-либо разборках. Все это – на растопку камина.

Четвертая группа: залоговые векселя шести феодалов графства Манага на ленное имущество общей суммой тридцать шесть тысяч сто шестьдесят пиастров.

Самая маленькая сумма – пятьсот золотых дублонов или две тысячи сто шестьдесят пиастров – за целое хозяйство размером одиннадцать целых и одну третью часть ленов. Зная современные реалии, перевел на нормальный русский язык, и получилось владение аж в два квадратных километра. Это вместе с маленьким замком, деревенькой на тридцать дворов, ручьем и кустарником, который числился лесом. Даже мельницы не было в хозяйстве.

Самая большая сумма – двадцать тысяч пиастров, залог за хозяйство в семь раз больше. И это – земли и имущество де Гарсиа.

Во всех остальных случаях весь комплекс ленного имущества в залог не передавался; кое-где – участок земли, а кое-где – деревенька.

И что с этим всем делать? С Гарсиа понятно, а с остальными – либо похерить, либо найти продажного нотариуса. Или продажные еще не родились? Не может быть, если во дворце титулами торгуют, то найти крючкотвора, который за определенную мзду сделает запись переуступки задним числом, тем более можно. Значит, не выбрасываем, делаем дополнительную скрутку для своего архива.

Теперь приступим к бумажкам, лично для меня более интересным: акции французской Вест-Индской компании – девять сертификатов по тысяче двести пятьдесят луидоров каждый. По весу золота французский луидор соответствует испанскому дублону, значит, в переводе на серебро общая сумма будет сорок восемь тысяч шестьсот пиастров без накапавших процентов.

Даже не знаю, сколько еще будет длиться война, этим периодом европейской истории никогда не интересовался, но мне без разницы, после окончания морской школы во Францию наведуясь обязательно.

Последними листочками, которые оказались разбросанными по столешнице секретера, были ценные бумаги различных испанских банков. На общую сумму семнадцать тысяч пиастров.

Теперь прикинем, что утоплено в реке. Почему посчитал, что серебра не меньше пятнадцати килограмм? Потому что в той жизни на лоджии стояла пудовая гиря, к которой от случая к случаю делал подход. Так вот, мозги тот вес помнят, а здесь было на капельку меньше, чем пуд. Значит, серебра в переводе на монеты – около шестисот пиастров.

С золотом тоже сильно не ошибусь, по весу – около четырех килограмм, или приблизительно две тысячи четыреста пиастров.

Стоимость жемчуга, который лежит в мешочке, не знаю, нужно уточнить, а за остальные золотые изделия, вспоминая недавний торг у Ицхака, думаю, тысячи три выторговать можно. Только отберу несколько сережек, колечек и два кольца, или, как говорит о них моя Любка, монист. Одно – из изумрудов, а второе – из кровавых рубинов.

Нет-нет! Подарить своей невесте драгоценности из военного трофея – это не запахло. Вот ограбить обывателя, а затем дарить, тогда да, очень нехорошо.

Выбрал и себе на серьгу колечко из фальшивого серебра, которое обычно оставалось после выплавки золота (платина обыкновенная) и по указу короля под надзором алькальда топилось в реке на протяжении последних ста пятидесяти лет.

Серебряный полумесяц, который мне, как казаку, положен в левое ухо, нацепил когда-то лично дед Опанас. Потом серьга пропала, видно, пахолки Собакевича сняли, сама слететь не могла. Рыжье в ухе – не по статусу, а белый металл как раз подойдет. Да! И эту черную жемчужину пусть Ицхак в платину оправит. Не такая получится серьга, как писал Сабатини, и на капитана Блада похож не буду, это для меня слишком большая честь. Впрочем, о чужой чести думать незачем, своей бы не потерять.

И... осталась последняя коробочка из красного дерева, что здесь? Часы! Карманные часы в золотом корпусе французской часовой мастерской «Блуа»! Размерами немного больше, чем привычные в том мире, но точно такие же, какие имелись в этом мире у моего отца. Только в центре крышки у него был синий камень, а у меня – белый бриллиант. Очень точный механизм, за девять месяцев часы отставали всего на три минуты.

Помнится, когда-то читал, что во времена преследования по религиозным мотивам мастера-протестанты мастерской «Блуа» сбежали из Франции в Швейцарию, где таких преследований не было.

Итак. Один внеочередной вопрос решен. Начальный стартовый капитал для адаптации и обустройства в этом мире есть. Шесть тысяч нала и семнадцать безнала – вполне достаточно. Правда, эти деньги планировалось сделать немного другим способом, но тот тоже основан на экспроприации экспроприаторов, так что в случае непредвиденных дополнительных расходов, еще не вечер, добавим. Что же касается вест-индских акций, то их по идее должно хватить на строительство и снаряжение приличной бригаантины с полным парусным вооружением и одной пушечной палубой. Но мне это не к спеху.

Дополнительно появилась возможность сыграть две партии. Первая – поиметь преференции от знания обстоятельств убийства племянниц герцога и вторая – попытаться выгодно перепродать залоговые векселя. Но делать это нужно не здесь, а где-нибудь в Мадриде.

Такими были мысли старого деловара, молодой же организм радовался совсем по другой причине – из-за полученной невероятной игрушки – часов. Однако если объединенное сознание не вступало в противоречие с мыслями и идеями, то и прекрасно, часы – это супер.

Представил состояние души, когда изготовлю более-менее приличное огнестрельное оружие. Вот тогда радости будет!

Внизу послышался звук колокольчика, это значит, что по солнечному хронометру – полдень и пора переодеваться к обеду. Быстро установил время на своих часах, потом надо будет

уточнить на башне городского совета, там время постоянно корректируется.

Да, неплохо посидел. Собрал скомканные ненужные бумажки в камине, взял огниво, поджег трут из хлопка и устроил маленький костер. Все остальное сложил в тубус и спрятал в комод.

Завтракать приходил в тренировочном костюме, что вызывало у дворецкого едва прикрытую неприязнь из-за моего варварского вида, а на обед и ужин обычно облачался в синий «тропический», как говорил мастер Пьетро. Только однажды к ужину надел костюм, сшитый из черно-красного атласа. Сегодня же был запланирован особый день, поэтому к обеду решил одеться повеселее, в костюм бежевых тонов, выбрал такую же шляпу с белым пером, светло-серые чулки и светло-коричневые башмаки.

Сегодня угрюмый дворецкий отреагировал на меня более благосклонно. Он стоял за спинкой пустого кресла хозяйки, а недавно вылезший из постели Луис рассказывал что-то веселое, при этом присутствующие для приличия улыбались.

- Сеньоры, - объявил дворецкий, - дона Изабелла просила передать свои извинения, она слегка захворала и будет обедать в своих апартаментах. - Паоло повернулся в сторону выстроившейся у стены прислуги и приказал: - Подавайте.

- Что с ней? Схожу немедленно проведаю! - подскочил Луис.

- Сеньора просила сказать, дон Луис, что она приглашает вас на разговор после ужина. А после обеда она примет дона Микаэля.

- Да? - Луис с удивлением уставился на меня и сел на место. - А что у тебя?

- Хотел испросить разрешения посмотреть библиотеку, - ответил и заметил пренебрежительный взгляд Паоло.

- Сказал бы мне, я бы и сам показал. - Луис небрежно махнул рукой.

- Как-то не подумал. Но теперь отказаться от аудиенции никак не могу.

В это время на столе расставили все блюда, Паоло разлил по бокалам красное сухое вино, и Луис на правах старшего прочел молитву. Мы, перекрестившись каждый по-своему, приступили к трапезе.

На аппетит никогда не жаловался. Окинув взглядом стол, ткнул ножом в направлении дымящейся запеченной бараньей ноги, вкусно пахнущей душистыми специями. Паоло отрезал мне неслабый кусище, на блюдо добавил ломтик ананаса, и я с удовольствием предался чревоугодию.

Сегодня за столом никто долго не засиживался, без доны Изабеллы было неинтересно, и, запив баранину вином, я отправился к себе ожидать приглашения. Однако даже не успел присесть, как Паоло постучался в дверь.

В хозяйских апартаментах оказался впервые. Создалось впечатление, что попал на экскурсию в какой-то музей. Пол в кабинете был сделан из разноцветного паркета, на двух узких и высоких окнах, украшенных витражами, висели светлые длинные шторы. Стол был массивным, из дерева красного, даже скорее вишневого цвета, таковы же оказались и кресла, стулья, что-то наподобие софы, и все это было обито светло-зеленым велюром. Несмотря на то что в помещении оказалось довольно тепло, в камине тлели угли и, судя по пеплу, там совсем

недавно жгли какую-то макулатуру.

Не знаю, но все же любой мужчина, который сюда войдет, сразу же – по расположению и обилию безделушек и по сладковатому, но неприторному запаху парфюмерии – определит, что здесь хозяйничает женщина.

Эта женщина сидела за столом перед кипой каких-то документов, ее лицо было скрыто под вуалью. Не думаю, что с вуалью перед глазами удобно копаться в бумагах. Наверное, накинула умышленно, чтобы мне сложно было рассмотреть ее. Остановившись перед столом, поклонился и шляпой смахнул с башмаков несуществующую пыль.

- Присаживайся, дон Микаэль. – Она кивнула в ответ на мое приветствие и быстро проговорила, в надежде оперативно меня отшить: – Ты хотел сказать что-то важное, слушаю внимательно.

Присел на краешек стула, вытащил скрутку векселя, перетянутую шелковой нитью, положил на стол.

- Это тебе.

Она подняла руку, хотела взять бумаги, но не дотянулась, ее рука опустилась на стол и стала как-то мелко подрагивать.

- Что это? – хрипло прошептала дона Изабелла. В принципе если она когда-либо этот листочек видела, то могла догадаться и сама, тем более что даже на наружной его части красовалась характерная закорючка подписи местного нотариуса. – Это то, о чем я думаю?

- Да.

Она дрожащими руками взяла сверток, стянула шелковую нить, развернула, нервно откинула вуаль и быстро пробежала глазами текст, затем медленно прочла еще раз и прижала бумагу к груди. Из ее красных, опухших глаз медленно скатилась слеза.

- Откуда он у тебя? – Голос был тихим и дрожащим.

- Нашел.

- Где? – Выражение лица медленно стало меняться, глаза расширялись все шире и стали большими и круглыми, как пиастры.

- На дороге. Вчера разминал лошадь на выезде. Смотрю – лежит. И вот... – Я развел руками.

- Ты хочешь сказать, что прямо на дороге просто так валялось двадцать тысяч серебром?! – К бесконечному удивлению на лице прибавилась гримаса недоверия.

- Ну да. Просто так.

- А сеньор Аугусто...

- Прости, дон Изабелла, не упоминай этого имени. Этот человек больше никогда не придет к тебе и не побеспокоит. Слово дворянина.

Ее глаза сузились, а лицо стало чрезвычайно серьезным. Несколько минут Изабелла сидела

молча.

- Я верю тебе, дон Микаэль. - Сейчас ее эмоции читались, как в открытой книге. Девочка, воспитанная в благородном семействе; женщина, десять лет безраздельно правившая феодом супруга, который занимался чем угодно, только не хозяйством; владетельница, слово которой всегда было бесспорно, - неожиданно попала под такой шоковый пресс, который уничтожил привычное мировоззрение и нарушил душевное равновесие. И было в грядущем только два пути: лечь подстилкой под мразь, которая всю оставшуюся жизнь будет вытирать о нее ноги, или идти нищенкой в мир. И все это - за дела, к коим лично она не имела никакого отношения. Но вдруг пришло спасение, пришло оттуда, откуда никто и ждать не мог. - И... что ты за это хочешь?

- Дружбу.

- Что, прости?

- Просто дружбу.

- Это - безусловно. Но ты не представляешь, что для меня сделал. У меня сейчас есть всего одиннадцать тысяч. Оставшуюся часть платежа готова буду внести через месяц.

- Сеньора. Ты не поняла. Этот документ, - кивнул на бумагу, прижатую к груди, - теперь моя собственность. И я дарю его тебе!

- Но я не могу принять такой подарок, здесь затронута честь семьи...

- Однако это подарок, и располагай им как угодно.

- Но что же мне делать? - Она расправила вексель и недоуменно на него посмотрела.

- Лично я бы на твоём месте бросил его туда! - Я кивнул на тлеющие угли камина.

- Туда? - тихо спросила она.

- Ну да. Если хочешь, могу помочь.

Дона молча посидела, ее лицо разгладилось, в глазах вспыхнула искорка, а губы чуть вытянулись в легкой улыбке. Затем она встала из-за стола, ее сгорбленная фигурка выровнялась, а грудь подалась вперед.

- Ну уж нет! Это удовольствие хочу испытать лично!

Женщина решительно направилась к камину и швырнула в него вексель стоимостью двадцать тысяч. Огонь громко пыхнул и сожрал бумажку за считанные секунды. Она развернулась, подошла ко мне и поклонилась:

- Дон Микаэль...

- Для тебя всегда - Микаэль, - я подхватил ее под локти и приподнял, затем и сам смахнул шляпой пыль с башмаков, - теперь разреши откланяться, сеньора.

- Изабель. Для тебя всегда Изабель.

- Благодарю, Изабель.

- Пстой, Микаэль, не уходи. Я, право, должна тебя отблагодарить, поэтому всегда можешь располагать моим замком как самый желанный гость. Обещаю, ты ни в чем не будешь испытывать нужды, все твои затраты по учебе возьму на себя, а по окончании школы выделю небольшое состояние.

- Дорогая Изабель! Никаких денег не возьму, я достаточно обеспеченный человек. При необходимости смогу даже тебе помочь. Кроме того, в моей жизни были возможности воспользоваться деньгами и связями очень богатых женщин, но не позволял себе этого никогда и впредь не позволю. Это принципиально.

- Удивительно! - В ее глаза появилась некая смешинка, быстрым взглядом она окинула меня сверху вниз. (Мишка никогда бы не понял этого взгляда, но мне-то, нынешнему, прочесть в глазах женщины мысль: «Какие твои годы, мальчик?» - не составило никакого труда.) - Но я этого просто так оставить не могу, это тоже принципиально. Неужели у тебя все есть и ты ничего не хочешь?

- Нет, Изабель, мои желания сейчас невыполнимы.

- И все же?

Почва для нашего дружественного длительного сосуществования была подготовлена, и ничего говорить больше не следовало. Но разыграли гормоны молодого тела, и вместо того, чтобы откланяться и уйти, остановился, уставился ей в глаза, нечистая сила дернула за язык и вынудила сказать:

- Да, я действительно кое-чего хочу. Очень.

- Говори, Микаэль, сделаю все, что в моих силах.

- Хочу, Изабель, целовать твои руки. Плечи. Шею. Глаза. Губы.

- Но... - В ее глазах появился испуг, а щеки с каждым моим словом пунцовели все больше.

- Хочу целовать твою грудь, живот, ноги. Прикасаюсь к ним. Ты мне понравилась с первого взгляда, я хочу тебя, Изабель.

- Это невозможно! - Она отшатнулась от меня и отступила на шаг.

- Вот видишь, Изабель, я же говорил, что это невыполнимо.

Глава 5

- Я еду с вами! И не отговаривай меня! Я пять лет не была при дворе! Уже закисла в провинции. Мои кузины едят такие интересные вещи, хочу сама все увидеть.

Империя находилась в состоянии войны, и рамки приличия обязывали Луиса прервать каникулы, положенные после получения патента морского офицера, и отправиться в столицу за назначением. Мне тоже хотелось побывать и в Мадриде, и в Толедо, поэтому отправился с ним.

В общем-то совсем не собирался отговаривать Изабель от поездки в Мадрид. Наоборот, мне с ней было интересно и приятно. Это Луис, подвергавшийся со стороны любимой тетюшки террору за недостойное добропорядочного христианина поведение и порчу имущества (ни одна

молоденькая служанка не смогла избежать его постели, ведь невозможно отказать господину), решил в столице оторваться по полной. А здесь, видишь, опять контролер-ревизор навязывался. Вот и стал он настоятельно отговаривать тетушку, упирая на сложность длительных поездок и возможные опасности в пути. Говорят, в других герцогствах по дорогам бродило немало дезертировавших с этой нескончаемой войны.

Луис, к счастью, не обратил внимания на то, что последние дни вопрос его добропорядочности тетушке совершенно безразличен. Да и выглядела она счастливейшим человеком в мире, каковым дворня не видела ее все последние десять лет.

Ко мне отношение прислуги также изменилось, особенно дворецкого Паоло - с безразлично-ровного на исключительно предупредительное, и это буквально с момента первого посещения хозяйских апартаментов. Создалось впечатление, что он, как вездесущий тайный агент, знает все. Впрочем, в том, что он мог подслушать любой разговор, нисколько не сомневаюсь.

Мысли о прекращении каникул Луис озвучил сегодня по окончании ужина. Идея побывать в столице не на шутку захватила Изабель и, несмотря на разные отговорки Луиса, стала навязчивой.

Сейчас, в полумраке свечей, удобно усевшись мне на живот, она наклонилась, рассыпав струящиеся по подушкам и моему лицу густые, длинные, пахнущие травами волосы, уставилась огромными темными, как ночь, глазами и постукивала кулачишком мне по плечу. Таким образом сеньора утверждала свое желание отправиться вместе с нами.

- Да согласен, согласен! Только не дерись. - Мне нравилось чувствовать ее запах, слушать ее голос, смотреть на красивое тело, гладить ее талию и согнутые в коленках ноги, приподнимаясь на локтях, захватывать губами агрессивно торчащие смородинки.

- Вот! Наконец-то за целый день из уст мужчины выдавила первое умное слово. Ой! А твой этот... опять твердый и толкает меня сзади.

- А он хочет, чтобы твоя эта... поймала его в объятия и скушала.

- Мне? Прямо вот так сверху?

- Почему бы и нет? Давай попробуем.

- Давай, - шепнула, томно вздохнув. Острые сосочки упругой груди нырнули вниз, нежное бархатное тело прижалось ко мне. Беспokoйно подвигавшись, пышущее жаром лоно пленило умышленно проигравшего в поддавки верного, готового к новым путешествиям друга и медленно, плотно обнимая, упрятало в недрах своих глубин.

Снова мое сердце гулко ударило в груди, сладкая истома пронзила кровь и понеслась обволакивающим туманом по сознанию и рассудку в который раз за ночь. Мне было классно! Но не только мне! Было видно, что новизна позы породила в Изабель новизну ощущений. Медленно-медленно двигаясь, она слушала их, тихо постанывая, словно дегустатор, пытающийся постигнуть букет поглощаемого маленькими глоточками нового вина. С каждым движением-глотком ей нравилось все больше и больше, дыхание становилось все чаще, все громче, все глубже, и наконец доне захотелось испить всю чашу до дна. Тело непроизвольно нашло самую удобную позу: оно откинулось и выгнулось назад, устремив подрагивающую в темпе галопа грудь в потолок, она откинула правую руку запястьем на чело, словно удерживая шляпку от напора стремительно несущегося навстречу наезднику ветра, а левую уперла мне в

колени.

Ураган чувств загнал мне вниз живота новый невиданный клубок страсти. И не было сил терпеть в этот раз. Но ее стон превратился в непрерывный громкий крик, она остановилась, замерла, тело вздрогнуло и забилося в конвульсиях экстаза, и Изабель упала мне на грудь. Ощущение хлынувшего горячего потока взорвало и мой клубок, а в звонкий голос ее сопрано вплелся и мой протяжный хриплый стон.

И так, обнявшись, сцепившись, словно в иступлении, мы пролежали долго, пока не расслабилось тело, пока не успокоилось дыхание. Мы отдали себя друг другу без остатка.

- Я беспутна? - тихо спросила Изабель.

- Нет, ты дурочка.

- Почему? - обиженно прошептала она.

- Потому, что ты настоящая женщина, и я тебя люблю.

- А я люблю тебя. Ты настоящий рыцарь.

- Дон Кихот де Ла Манча.

- Что-что? Ты читал дона Сервантеса Сааведру?

- Да.

- Но эта книга стоит в моем шкафу, и ты ее не мог видеть.

Когда ей сказал, что книгу читал там, у себя на родине, дона была ужасно удивлена. Затем приподнялась, поцеловала мои руки и сказала:

- Нет, милый, даже несмотря на твой возраст, ты не Ламанчский, ты - настоящий.

Мы признавались друг другу в любви и были искренни, но не обманывались. Оба прекрасно понимали, что по множеству причин нам никогда вместе не быть, но я почему-то был уверен, что и в конце жизни сохраню к этой женщине самые добрые чувства.

Изначально, когда возникла такая возможность, в мои планы входило создать обстоятельства, при которых хозяйка замка будет мне обязана. В результате в свое время она позволит на территории этого поместья развернуть мобильную группу бойцов для подготовки военного похода в Украину. Но когда нечистая сила дернула за язык, а ошарашенная, придавленная грузом долга и потому наплевавшая на чисто женскую честь Изабель в полупрозрачном пеньюаре все же после полуночи появилась в моей спальне, понял: моя затея накрылась медным тазом.

Отправить ее восвояси - все равно что унижить пренебрежением, значит, завтра отсюда нужно уходить, и навсегда. Уложить дону в постель - значит радоваться ровно до того момента, пока падре-исповедник не накрутит ей хвоста. Поэтому, махнув рукой на жизнь-жестянку, выбрал из двух зол более приятное.

- Дорогая Изабель, - выскользнул я тогда полуобнаженным из-под балдахина в одних семейных трусах и все же сделал попытку разрулить ситуацию. - Прошу простить меня, но если тебе мое общество неприятно, не хочу, чтобы ты насильовала свою душу и свое тело. Давай расстанемся

друзьями, и я немедленно покину замок.

- Нет, Микаэль, ты мне не неприятен. - Удерживая в руке яркую масляную лампу со стеклянным колпаком, она опустила глаза на мои оттопыренные по совершенно очевидной причине семейные трусы и тихо добавила: - Я сама этого хочу.

Просвечивающий пеньюар совершенно не скрывал прекрасную фигуру. Отобрав и отставив лампу, я подхватил женщину на руки, ощущая, насколько она зажата из-за страха будущих отношений. Стараясь расслабить тело и завести чувства, не спешил удовлетвориться сам - целовал, гладил, ласкал эрогенные зоны, но как только собирался входить, она вдруг опять зажималась. Не явно, а внутренне, и, как позже выяснилось, это у нее происходило с самого момента лишения девственности. Ну а супруг что? Говорит, ничего, нормально - полтора-два десятка раз дрыгался, слезал с нее и тут же засыпал. Вот такое удовольствие.

Но нет, я тогда не сдался. К сожалению или к счастью, упорно вел войну организм не того старого ловеласа-перехватчика, умеющего играть на своих и чужих чувствах, а молодого и страстного парня, поэтому приходилось сдерживаться до боли, и все же мое терпение и многолетний опыт общения с прекрасным полом помогли девочке победить себя.

Та ночь и все последующие были самыми потрясающими и счастливыми в жизни Изабель и в моей жизни.

- О, моя дорогая, чувствую себя заливной рыбой.

- Хи-хи.

- Все, слезь с меня, мой бутерброд, и лезь в корыто, будем мыться и спать, иначе скоро коньки отброшу.

- А что такое коньки?

- Нет-нет! Об этом - завтра ночью.

Наметили дату выезда, двадцать второго сентября, а выбрались на четыре дня позже. Угадайте с трех раз, кто в этом виновен? Совершенно верно, тот, кто больше всех жаждал попасть в столицу, - дражайшая донна Изабелла. Задержка была вызвана задумчивой растерянностью: перебирая гардероб, никак не могла определиться с количеством, фасоном и внешним видом платьев и драгоценностей, которые нужно было грузить в огромный сундук. Пришлось намекнуть, что за пять лет столичная мода могла и измениться, поэтому пусть лучше возьмет вещи, необходимые в пути, а также деньги, и на месте разберется.

Гарнизон замка тоже все дни бурлил. Десятниками были заслуженные воины, поэтому Педро поступил не как командир, а по понятиям: разыграли в кости, кому ехать, а кому остаться, так как отправиться в путешествие желали все. За последние пять лет никто дальше ленных земель и не выезжал, а здесь - целая столица. Не знаю, то ли он смухлевал, то ли действительно повезло, но отправился именно Педро.

В конце концов сборы были закончены, и мы двадцать шестого рано утром отправились в путь.

С собой в дорогу забрал все свои вещи. Вообще-то мне все равно пришлось бы возвращаться, и можно было оставить золото, драгоценности и некоторые документы, но очень уж не хотелось напрягать ум и возбуждать подозрения моей милой любовницы. Кстати, судьбой донна Аугусто

де Киночета озаботились через два дня его соседи, уж очень специфическим запахом перло от этого дома. Но, как ни странно, общественного резонанса известие об этом убийстве не вызвало. Среди мещан прошел слух, что это дело рук благородных и убиенный пострадал за какие-то неизвестные прегрешения, так как ни вещей, ни денег (в секретере нашли около шестисот пиастров) убийцы не взяли. Через пару дней все разговоры об этом затихли. Правда, Изабель прямо спросила, причастен ли я к этому. Молча отрицательно качнул головой и отвернулся. Не знаю, что она подумала, но больше никаких вопросов не задавала.

Чем мне не нравятся нынешние дальние переезды? Нет, с лошадьми все в порядке. Да и как я, Михайло, к ним могу относиться? Люблю, естественно. Конечно, это не мой «Гелендваген» из той жизни, но и в седле чувствую себя комфортно.

Клопы – кусачие разносчики болезней. Вот гадость, которую терпеть не могу, а найти ночлег, в котором они не водятся, практически невозможно. Здесь народ привык и относится к ним как к неизбежному злу. А вот в замке Изабель клопов нет. И в моем доме не будет. Не знаю еще, каким он станет, мой дом, то ли размером с маленький феод, то ли с пол-Америки, но тот, у кого в моих владениях заведутся клопы и тараканы, будет платить в казну самый большой прогрессивный налог.

В Лигеросе, последнем городе Андалусии, в лучшей гостинице, где несколько дней назад изволил почивать великий герцог Андалусский, выпался без укусов. Но не это меня заинтересовало, а информация о проследовавшем в столицу герцоге. Ведь в Мадриде можно было решить ряд личных перспективных вопросов, но обращаться оказалось не к кому. Луис обещал через своего однокашника составить протекцию к некому графу, какому-то придворному функционеру. Изначально так и планировал действовать, но почему бы не сделать ход конем и не попасть к самому герцогу?

К сожалению, нашего посольства в Испании нет. Еще в той жизни испанские гиды, обслуживающие русскоговорящих туристов, историю отношений с Россией кратко освещали всегда. По их версии, во второй половине семнадцатого века (год не помню) из Московии прибыло посольство к королю Карлу Второму. Но так как тот был маленьким ребенком и к тому же больным, их принимал канцлер, на сей должности состоял папский иезуит. По воспоминаниям одного из придворных, в тот летний день во дворце принимали полуголых дикарей из Америки и северных варваров, закутанных в тяжелые меховые шубы и высокие шапки. Этим контрастом посольство и запомнилось. Они здесь побыли некоторое время, получили ответную грамоту о желании короны Испанской империи наладить добрые отношения с Московским царством и отправились восвояси.

Второе посольство начало функционировать на постоянной основе в двадцатые годы восемнадцатого века, но просуществовало недолго, через три года все наши взаимоотношения были денонсированы и не возобновлялись целых тридцать лет. Испанская сторона не согласилась с титулом императора, который присвоил себе Петр Первый. Ибо, создав всепланетную империю, они монополизировали право на это понятие, даже Англия, мол, завоевав кучу колоний, повела себя скромнее, осталась королевством и обозвалась всего лишь Великой Британией.

Однако говорить не о чем, еще не вечер. Придет время, и будем посмотреть, кого в этом мире будут называть Великой и кого Империей с большой буквы.

– Радость моя... – Мы с Луисом, стараясь скрасить одиночество Изабель, развлекали ее в пути, сопровождали в карете. Сейчас была моя очередь, а Луис в авангарде двигался верхом. – А нет

ли у тебя связей, благодаря которым меня могли бы представить герцогу Андалусскому?

- А какое у тебя к нему может быть дело? - удивленно спросила дона.

- Вообще-то дело это мужское, но коль ты мне дорога и любима, значит, имеешь право знать. Хочу приобрести в метрополии землю.

- Микаэль! Да герцог здесь не нужен! Любой человек, кроме мусульманина и иудея, коим проживание в империи запрещено, может жить, где хочет. Лишь бы деньги были. А необходимые рекомендации для покупки мы тебе обеспечим.

- Изабель, а может ли в метрополии любой человек свободно носить клинковое и огнестрельное оружие, содержать и воспитывать собственную вооруженную стражу? Так вот, хочу это право получить навечно. И мне нужна не просто земля, а феод, где смогу делать все, что захочу. Мне необходимо подготовить мою маленькую армию. Ты же знаешь, там, на моей родине, меня ждет кровный долг, и отдать его - моя святая обязанность.

- Нет, здесь ты прав. Но в данном случае у тебя ничего не получится, нужно быть праведным христианином и получить дворянство из рук короля. У тебя единственная возможность - по получении офицерского патента подать прошение его величеству с рекомендацией твоего духовника. Но вот феод тебе никто не подарит, его нужно будет купить за собственные деньги.

- Деньги - не вопрос, а все остальное - очень длительная процедура, а мне некогда. Мне осталось лет пятьдесят - шестьдесят жизни, разве что убьют или погибну в океане, у меня большие планы, хочу многое успеть, мне жаль терять даже год. Изабель, есть определенная надежда на благосклонное отношение и помощь герцога, и это ему ничего не будет стоить, даже совсем наоборот.

- Если не смотреть на тебя, а только слушать, - представляешь перед собой богатого, умудренного жизненным опытом, спешащего жить мужчину. Нет, Микаэль, не знаю, как так может быть, но ты не мальчик, ни в постели, ни в делах. Взять моего покойного супруга, так он, к сожалению, даже рядом с тобой не стоял.

- Радость моя, ты очень умная женщина, но ты меня переоцениваешь.

- Скорее недооцениваю. Теперь - в отношении герцога. К твоему сведению, мы его вассалы и меня как вдову он принять обязан, тем более что я ему была представлена и встречалась с ним неоднократно. И относился он ко мне всегда благожелательно... Но бабник он порядочный. Ничего, можешь считать, что протекция у тебя уже есть и на прием попадешь обязательно. И все же, милый, меня смущает один момент.

- Какой?

- Ты ортодокс.

- Бог един, и он хочет, чтобы мы ему молились. А вопрос о том, как это правильно делать, скорее политический и находится в компетенции самих людей, но лично я придерживаюсь ортодоксальных взглядов. Герцогу, кстати, знать об этом не обязательно.

- О господи, какая ересь! - Обозначив себя великой грешницей, она неистово стала молиться о любимом человеке, грешнике Микаэле, о прощении грехов его. Когда замолчала, опустив голову, обнял ее и прижал к себе:

- Я тоже люблю тебя, Изабель.

Итак, мы потихоньку двигались. Своевременно подгадав обеденный привал к началу сиесты, подъехали к небольшому городку Капабланка. Кучер и двое воинов из арьергарда остались на улице охранять поезд, так как второй день шли по землям Кастилии-Ла-Манча, а места здесь, говорят, для путешественников опасные. Который год всякий сброд не переводится, несмотря на то что кирасиры герцога Кастильского периодически вырезают разбойников под ноль.

Дона Изабелла, мы с Луисом, Педро во главе оставшихся девяти воинов и Мария, служанка сеньоры, вошли в обеденный зал почтового заведения. Здесь было чисто, но в нос шибанул какой-то кислый запах. Окинув взглядом помещение, зафиксировал обстановку. Заметил, что точно так же поступил и Педро. Все оконные решетки были подняты, в комнате оказалось достаточно светло.

Людей за столами находилось немного. Двое крестьян слева от входа ничего не ели, но потягивали вино. Справа от входа сидел одинокий кабальеро при шпаге с чашей, крестовиной и широким эфесом, одетый бедновато, но кричаще – несколько великоватый хубон из затертого атласа в желтых и розовых тонах, штаны от совсем другого костюма, но ботфорты – добротные, с серебряными пряжками и шпорами. И семейство какого-то путешествующего горожанина – жена, сын лет семнадцати и четыре дочери от семи до пятнадцати лет обедали за столом у стены напротив входа.

Мы расселись за тремя столами, заняв часть зала у правой стены. Заказ принимала хозяйка заведения. В таких случаях с самого начала путешествия Изабель поручила Луису вести все переговоры. Такая обязанность была ему по статусу: его грудь пересекала лента морского офицера.

После приема заказа хозяйка сказала:

- Почтовый поезд с охраной отправился еще утром. Сеньоры останутся на ночь или последуют дальше?

- Дальше.

- Как будет угодно сеньорам, но мы всем рекомендуем отправляться только с почтовой охраной, мы слышали, на дорогах опять беспокойно.

- Нет, у нас своя охрана, мы остановимся на ночь в Льесе.

Обратил внимание, что кабальеро, посматривая в потолок, кивнул головой каким-то своим мыслям, а через пару минут краем глаза заметил какие-то изменения слева – это выбрались из-за стола выпившие крестьяне и, слегка пошатываясь, двинулись на выход.

Педро хлопнул по плечу одного воина и громко приказал:

- Иди, скажи Мигелю и Адриану, пусть присоединяются. Там и одного кучера достаточно.

Тот вышел и через пару минут вернулся в компании еще двух бойцов.

Обедали не спеша, когда столы опустели, никто никуда не торопился – время сиесты священно. Незнакомый дворянин несколько раз кидал в нашу сторону взгляд, затем, когда мы уже рассчитались и готовились уходить, поднялся и подошел к столу.

- Прошу простить за беспокойство. - Он поклонился Изабель и обозначил поклон нам, на его щеке выделялся багровый шрам. - Разрешите представиться, кабальеро Хулио де Ла Грус из провинции Альбасета. До ранения был капитаном конно-гренадерского полка.

После того как Луис представил нас и предложил новому знакомому присесть, тот продолжил:

- Слышал, вы сегодня собираетесь отправиться к городу Льес? Я после излечения еду в Мадрид за назначением, путешествую в одиночестве, уехать в сопровождении почтового поезда опоздал. Не буду ли навязчивым, если попрошусь ехать в вашем сопровождении? Говорят, здесь на дорогах неспокойно.

- О! И я еду за назначением! - обрадовался Луис. - Будем рады твоему обществу, а в дороге лишний клинок не помешает.

Почему-то, что и когда делать, Изабель и Педро спрашивали у меня, и Луис считал это нормальным, словно сие было в порядке вещей. Сейчас я показал Изабель глазами на выход и едва заметно кивнул, мол, пора в путь. Она взяла в руки свой ридикюль и поднялась из-за стола. Все тут же подорвались с мест и потянулись на выход: бойцы спереди, следом Луис с доном Хулио, далее Изабель, опирающаяся на мою руку, а за нами Мария и отставший Педро.

- Дона Изабель, - за спиной раздался негромкий голос Педро. - Разрешите задержаться дону Микаэлю.

- Что-то случилось? Говори, Педро. - Она остановилась и повернулась к нему.

- Это только мои мысли, сеньора... На нас могут напасть дорожные бандиты.

- Твои подозрения обоснованны?

- Не знаю, сеньора, - замялся он, - за столом у выхода сидели двое крестьян, руки которых имели совсем не крестьянские мозоли. Может быть, останемся на ночь здесь?

- О чем ты говоришь, Педро? Какие крестьяне? Да в моем поезде три дворянина! И ты, знаю, воин не из последних. И десяток опытных бойцов, которые мне обходятся в круглую сумму. Так о каких крестьянах ты говоришь? Ты чувствуешь, какой здесь запах? Ты хочешь, чтобы я до утра это нюхала?

Педро, конечно, парень разумный, но брякнуть магнату современности, что тому в делах могут помешать какие-то крестьяне, совсем не разумно. И подействует, словно красная тряпка на быка.

- Ладно, пошли. - Я хлопнул его по плечу, прекрасно понимая, что отговорить Изабель от поездки сейчас просто невозможно.

Если честно, то крестьяне мне показались странными совсем по другой причине: еще из той жизни знал, во время сиесты кафешку покинет только сумасшедший испанец. А два сумасшедших одновременно - это перебор.

Дон Хулио уже успел вывести свою оседланную лошадь и теперь красовался верхом на вороной красавице. Это была настоящая берберийка, уж в этом-то ошибиться не мог, дед Опанас вернулся из Франции с подобным трофеем, в бою у какого-то испанца отбил, только та лошадь была гнедая. А у этой оказались те же сильная и изогнутая шея, длинная и узкая голова,

густые грива и хвост; тонкие длинные ноги и глаза – смелые и злые, как у настоящего сторожевого пса. Странно, только вела кобылка себя беспокойно, словно на спину взобрался совсем не друг. Вероятно, она досталась дону Хулио недавно. Действительно странно, для внешне небогатого дворянина ну очень дорогое приобретение, как бы не в тысячу серебром. А рядом с ним что-то увлеченно рассказывал Луис. Остальные бойцы тоже вскочили на своих лошадей, а кучер открыл дверь кареты и дожидался сеньору.

Сопровождая Изабель, опустил глаза в землю и тихо, но так, чтобы она слышала, проговорил:

- Если среди дороги услышишь выстрелы, сразу же падай на пол. Повторяю, падай на пол. Ясно? Слушайся старших.

- Это кто из нас старше?

- А сейчас возьми к себе в карету Марию. И не пререкайся со мной! – проводив дону Изабеллу к карете, учтиво поклонился, глядя глазами безнадежно влюбленного юнца, и ушел к своему Нигеру. Когда отворачивался, мазнул глазами по лицу Марии и увидел едва заметную улыбку. Уж она-то, старшая служанка в апартаментах сеньоры, которая обеспечивала ванну, чистоту и порядок в спальне, точно знала – я играю свою роль.

Взобравшись в седло, подъехал к Педро, который задумчиво наблюдал за строившимся в колонну поездом.

- Есть что-то еще, Педро, о чем мы должны знать?

- Да, сеньор, я ведь недаром отправлял бойца на улицу за Мигелем и Адрианом. Эти крестьяне, они ускакали на хороших строевых лошадях с приличной сбруей.

- Ты вот что. Сейчас стань перед людьми и громко объяви о бдительности и о возможном нападении.

- Да я уже всем шепнул, мои бойцы не дети малые, будут настороже.

- А ты не шепни, а скажи громко, чтобы и Луис, и наш попутчик слышали и были готовы к бою.

- Вы думаете, сеньор?

- Почти уверен.

Педро решительно выехал на левый фланг колонны и поднял руку:

- Дон Луис! Разрешите мне сказать слово бойцам.

- Слово?.. Говори.

- Солдаты! Предупреждаю всех, будьте бдительны! Существует вероятность нападения на поезд банды дорожных грабителей. Если это произойдет, бой вести по отработанной методике! Все понятно?!

- Д-да-а! – пронеслось по колонне.

- Всем занять свои места. Вас, сеньоры, прошу занять те места, какие считаете удобными.

- Я – в авангарде! – выкрикнул Луис.

- А я - в арьергарде, - сказал дон Хулио.

- Я тоже в арьергарде. Можешь забрать своих бойцов вперед, Педро, мы с доном Хулио здесь и вдвоем справимся, - выкрикнул звонким голосом, вытащил заряженные пистолы, засунул за пояс и, бахвалясь, махнул рукой.

Педро посмотрел на меня с каким-то удивлением, затем сказал:

- Да-да. Адриан и Мигель, двигайте вперед. Все! Колонна, марш-марш!

Когда Педро выступал перед бойцами и сказал о возможном нападении, за доном Хулио я подсматривал внимательно и четко видел - в его глазах промелькнул страх. А сейчас мы ехали рядом, и восторженно рассказывая о том, как хороша хозяйка де Гарсиа дона Изабелла, я не забывал его контролировать.

Ехали мы уже часа два, и теперь лицо спутника выглядело безмятежным, в глазах не было никакого страха, он мне снисходительно поддакивал. Но моя паранойя была на взводе, и когда дорога стала огибать холм, а вдаль показался перелесок, спутник, вначале ехавший слева от меня, стал отставать и перестраиваться справа. Его тело напряглось. Нет, мне не нужно было на него смотреть, это было видно по поведению его красавицы, ведь лошадь для меня - открытая книга, я сижу в седле с тех пор, как научился ходить.

Дорога шла дугой через распадок, а слева на холме, где когда-то была вырубка, рос молодой, но достаточно высокий и густой кустарник. Если Луис и Педро, возглавляющие колонну, продвинулись вперед еще метров на двадцать, то попадут на открытое пространство, где очень удобное место для засады. Думаю, если бандиты здесь, они пропустят нас метров на сто вперед и будут валить.

Еще метров восемь - десять, и все, у авангарда не будет возможности свернуть и избежать расстрела.

А если там никого нет? Значит, втихаря посмеются над безусой молодежью.

А если есть?

Момент принятия решения наступил одновременно с вопросом и шипящим звуком выдвигаемого клинка:

- И что ты там заметил?

Повернув голову вправо, увидел ухмыляющуюся рожу и почти вытянутый из ножен клинок шпаги. Он был уверен, что никаких других вариантов, кроме как умереть, у этого восторженного щенка нет. Мои руки спокойно лежали на передней луке седла, левая удерживала поводья, а правая - сверху, на запястье, указательный палец зацепился за отверстие в рукояти метательного ножа в наручи под рукавом хубона.

Жало клинка уже блеснуло на солнце, но рука, удерживающая его, безвольно опустилась, разжалась и выпустила клинок наземь. Свой вопрос Хулио, или как его там, закончил сипящим и булькающим звуком - в его пузырящемся кровью горле торчал нож.

- Засада! Засада! - заорал я во весь голос, дал посыл Нигеру, поравнялся с передней парой каретной четверки и завернул ее за холм. Фактически это спасло всем жизнь.

Луис и Педро еще не успели полностью выбраться на открытое пространство и резко завернули вправо. Бойцы тоже среагировали своевременно, поэтому раздавшийся из кустарника громкий «бабах» с полутора десятками облаков черного дыма для нас прошел без тяжелых последствий, но смог обездвижить экипаж. Когда уводил карету вправо и на разворот, левая лошадь задней пары стала похрипывать, а через два десятка шагов свалилась с копыт на передние колени и жалобно заржала. Теперь если и теплилась надежда развернуться и бежать, то она умерла вместе с лошастью. Однако если бандиты пойдут на преследование верхом, а они точно пойдут, то нас и бег не спасет. Уж лучше встретить врага грудью, чем подставить спину.

Убили еще одну лошадь – под бойцом Адрианом, который выдвинулся вперед дальше всех. Ему тоже досталось, пуля попала в кирасу, пробить не смогла, все же дистанция для выстрела была еще великовата, но грудину вмяла неслабо и вынесла из седла. К счастью, приземлившись, он шею себе не свернул, успел заскочить за выступ и бегом вернуться к основной массе бойцов. Были ранены еще две лошади, но нетяжело.

Сейчас от прямых выстрелов нас укрывал холм, и кроме того, что противнику нужно было перезарядиться, ему еще нужно было поменять позицию. Коль они сразу не ринулись, понимая, что наше оружие не разряжено (а среди дезертиров и бандитов вряд ли есть герои), то в нашем распоряжении имелась фора в три-четыре минуты.

Соскочив с лошади, подбежал к карете и рванул дверцу. Мария лежала на полу, а моя любовь сидела на ней сверху и ткнула мне в лицо стволом огромного пистоля. Как она не нажала на курок, не знаю, но мало бы не показалось, ведь все четыре каретных ствола заряжал лично крупной картечью.

- Быстро вылезайте из кареты! Обе! – Изабель шустро выскочила сама, а Марию пришлось тащить за шкуру. Собрал все пистолы, удерживая в руках за стволы по два, как дубины.

- Дон Хулио погиб? – рядом со мной очутился Луис, показывая обнаженной шпагой на убитого.

- Он был заодно с бандитами.

- Как это?

- Давай об этом потом, сейчас для нас самое важное дело – спасти жизнь сеньоры.

- Все спешили, – крикнул Педро, – Мигель и Антонио, за сеньору отвечаете головой, взяли ее под руки и все за мной, на холм!

- Я сама. – Изабель подхватила руками низ платья и задрала к коленям. В который раз убедился в уме этой женщины и в ее холодной рассудительности.

Окинув взглядом окрестности, оценил его решение как правильное. Если забраться на холм, то подход здесь такой, что верхом к нам никто не доберется, нужно будет шагать ножками и лезть на корточках. Теперь наша позиция будет предпочтительней и, несмотря на численное преимущество противника, – бабка надвое гадала. Людей, конечно, мало, но у меня возникла еще одна мысль.

- Педро, дай мне своего чемпиона, мы обойдем холм с правого фланга и ударим им в спину.

- Это было бы отлично, сеньор, но вдвоем опасно. – Потом он повернулся к замершим бойцам, придержал рукой самого молодого, а остальным гаркнул: – Не стоять! Наверх, к кустам! Бегом-

бегом!

- Педро, слушай меня. Мы попытаемся подпустить их к вашей позиции максимально близко и ударим. Не стреляйте, пока не услышите шесть выстрелов, - показал ему свои пистолы. - Не то и нас завалите. Мы падаем наземь, а вы делаете залп, а там уже как Бог рассудит.

- Все понятно. Антонио, идешь с сеньором. - Педро хлопнул по плечу своего бойца и вопросительно уставился в глаза Луиса.

- Разбежались, - легонько толкнул рукоятями пистолей побледневшего Луиса, поймал взглядом кивок оглянувшейся Изабель, бросил наземь шляпу, чтобы не мешала, и рванул через кустарник по сухой канаве, вращая головой, как локатором, и стараясь обогнуть холм по широкой дуге.

Антонио, или Антон Полищук, пять лет назад бежал из Речи Посполитой за убийство своего пана-шляхтича. Каким-то образом семнадцатилетний парень добрал до Испании и здесь был замечен предшественником Пабло. Так и оказался Антон в страже де Гарсиа. Огнебоя он почему-то не любил, но стал виртуозом в метании ножей. У него сверху кирасы были перекинута две перевязи с ножнами, в каждой по шесть ножей. Так вот, освобождался он от них, находясь в движении и очень прицельно, секунд за десять.

Честно говоря, когда узнал его историю, первый позыв был таков - мое воспитание заставило положить руку на эфес, выхватить шпагу и пронзить какого-то смерда, посмевшегося поднять руку на господина. Но, немного поразмыслив, решил для себя, что такому господину бродить по миру точно не надо. В Европе давным-давно было ликвидировано право первой ночи, этот же пан хмырь никак не мог успокоиться. Не дождавшись в своих покоях невесты Антона, он ворвался к ним в хату и зарубил ее. А вот Антона не успел, тот оказался более шустрым.

Тому внутреннему порыву мое нынешнее сознание нисколько не удивилось. Ведь в эти времена дистанция между господином и хлопом была размером с бездну. Что там говорить, припоминаю купчую на лошадь, которую читал собственными глазами, где стоимость арабского скакуна была оценена в сорок восемь хлопов мужеского полу (валюта такая).

Противник появился, когда мы добежали почти до противоположной стороны холма. Услышав треск валежника, спрятались за полосой терновника. Взяв два пистоля под мышку, отстегнул плащ, кинул Антонио и прошептал:

- Натяни на себя, твои кираса и шлем сияют, как новенький пиастр.

И минуты не прошло, как разношерстно одетые всадники появились прямо перед нами. Затаившись, насчитал двадцать два человека. Немало, черт забери! Копыта их лошадей прорысили буквально в трех метрах от нас. Поглядывающийся на меня Антонио отрицательно качнул головой. Бандиты отъехали недалеко, так как заметили на холме шевеление.

- Смотри! Они на холм залезли! - кричал один из уже знакомых нам сегодняшних «крестьян».

- Ай, карамба! Но это им не поможет! Нас вдвое больше! - говорил прилично одетый бандит, очень похожий на Хулио, но постарше.

- Смотри, Игнасио! По этому распадку можно подняться на дистанцию выстрела.

- Точно! Спешивайтесь и привяжите лошадей, чтобы не разбежались. Братва! Сегодня ночь будет веселой, там сверху - две девки. Если получится, молодого дворянчика не убивайте. Я с

него за Хулио с живого кожу снимать буду. Пошли!

Действительно, с этой стороны под углом к вершине холма шел распадок, по которому бандиты могли подойти к рубежу открытия огня, метров за двадцать до линии обороняющихся. И если только они укрылись слабо (ведь кусты для картечи и пуль препятствием не являются), то на такой дистанции из своих пятнадцати аркебуз бандиты порвут их на куски.

К сожалению, позиция на холме оказалась изначально проигрышной, и шансов выжить у наших людей не было. Да и наш подход из тыла выглядел проблематичным. Чтобы добраться на дистанцию уверенного поражения противника метательными ножами и пистолями, придется бежать метров сто по открытой, кое-где поросшей кустами местности.

Вот и настал очередной момент истины. Лично нам ухватить лошадей и сбежать не составит никакого труда. Взглянул на Антонио, его лицо покрылось пятнами, видно, тоже понял сложившуюся ситуацию. Что ж, думать нечего, нужно идти и делать то, что должен. Как только замыкающий бандит скрылся в овраге, придерживая шпагу, кивнул напарнику, тот перекрестился, и мы, пригнувшись, побежали вдоль терновника в сторону от распадка.

Отсюда рванули ту самую стометровку по резко пересеченной местности. Наши нас, безусловно, заметили, но если кому-то из нападавших взбрдет в голову выглянуть и осмотреть тылы, мы погибнем. Но Господь решил помочь нашей стороне - мы незаметно добежали по мягкой траве почти до самого оврага и в намеченном месте оказались вовремя. Бандиты даже не успели подойти и стали сгущиваться на выходе, изготовив аркебузы и пистолы к стрельбе.

Дальше таиться было нельзя, и стало совершенно ясно, что лично нам из передряги выбраться невозможно, и идем мы на смерть.

- Опять вспоминаю Тебя, Господи, когда больше некуда бежать, не оправдал доверия. Прости прегрешения мои, - прошептал про себя, затем повернулся к напарнику и тихо сказал: - Работаем. Но помни, только в движении. У тебя обе руки хороши, поэтому я пойду правее. Отработаешь ножами, падай.

- Понятно, сеньор. Спаси и сохрани нас, Святая Дева Мария.

За пояс добавил два пистоля, на двух прочих взвел курки и зажал слева под мышкой, приготовил оставшиеся два метательных ножа и кивнул. Мы встали и разошлись, и еще раз нам повезло, никто из бандитов не оглянулся. Антонио начал работать с дистанции метров в десять, для меня это было далековато, поэтому, продолжая идти вперед, наблюдал за мельканием смертоносных молний. Выглядело это, словно у жонглера-виртуоза, только мелькали не шарики и тарелочки, а настоящие боевые ножи. Мне было видно, что некоторые ножи попали в защищенные места, но восемь из них точно собрало кровавую жатву. Правда, об этом узнал гораздо позже.

Мой первый нож попал одному из бандитов в шею, а куда влетел второй, уже не заметил. Захрипели и застонали задние и обратили на себя внимание передних. Только-только успел перехватить первые два пистоля, а в меня уже направлялся чей-то мушкет, но мои выстрелы грянули быстрее. Особо не целился, с дистанции семь метров эта ручная артиллерия накрывала картечью не меньше квадратного метра площади. Упав на колени, разрядил пистолы, выпустил из рук, оттолкнулся и перекатился вправо. Лежа на спине и вытаскивая вторую пару пистолей, видел, как куст, у которого только что стоял, несколькими попаданиями просто смело. Взвел курки и повернулся на живот, но за дымом совершенно ничего не было видно. Все же выстрелил на звук - крики, ругань и стенания. Опять отбросил использованное

оружие, перекатился еще правее и вытащил последнюю неиспользованную пару. Пришлось привстать на колени, только тогда увидел мельтешащих людей, после чего и выстрелил.

Пришла и моя очередь. Тот самый, который подкрадывается незаметно, появился мгновенно, с ужасной силой боднул в живот и вышиб дух, приподнял, пронес метра три над землей и шмякнул дурной головой о деревцо. Если бы башка была не дубовой, по окрестностям расплескались бы мозги, а так бедная осинка спружинила и в критической точке сломалась. Последнее, что слышал, находясь в полете, это залп аркебуз со стороны линии обороны.

Глава 6

Не оправдал. Не оправдал.

А почему не оправдал? Потому что погиб и не построил свой мир? Потому что не сбежал ради своего светлого будущего и не разменял жизнь тех, кто должен был умереть там, на холме, на свою драгоценную жизнь?

А если бы разменял, нужен ли такой человек миру?! И нужен ли мир, даже самый маленький, построенный таким человеком?! Ведь ты в таком уже жил!!!

В голове мелькали калейдоскоп лиц и водоворот событий. Ко мне, невидимому, подходили родители. И эти, и эти. Что-то говорили и улыбались. Затем появились веселящиеся дети с семьями. Сына и зятя хлопнул по плечу, а дочь и невестка обнимали меня и целовали. А Лиз и самая маленькая внучка заразительно смеялись и хлопали в ладоши.

Много-много лиц. Друзья и любимые женщины, даже те, которые давно забылись и которых не встречал целую жизнь.

И Мари с Изабель. Смотрели на меня одинаковыми глазами, одинаковым взглядом. Улыбались.

А это кто такая, маленькая и конопатенькая, так шустро бежит? Любка! Стала и ручкой к себе зовет. Что говорит - не слышно, но понятно: «Иди ко мне, иди ко мне!»

Тук-тук! В голове долбил дятел, а в ушах звенело. Сквозь ресницы пробивался язычок света. С трудом разлепил глаза - туман и размытость, но через минутку зрение наладилось, и перед собой увидел подсвечник со свечой. И Изабель. Она сидела, сгорбившись, рядом со мной на кровати, удерживала мою руку в своих руках и что-то шептала.

- Изабель, - прохрипел пересохшими губами. Она замолчала, открыла опухшие глаза и уставилась на меня удивленным недоверчивым взглядом.

- Жив, - прошептала и сжала мою руку. На лице появилась улыбка, а из глаз потекли слезы, затем уже громче сказала: - Господи, Святая Дева Мария, благодарю, вы услышали мои молитвы!

- Пить хочу, - как-то промямлил, язык шевелиться не хотел.

- Господи. Сейчас, сейчас. - Она выпустила мою руку и подхватила. Но ее шатнуло сначала в одну, потом в другую сторону, откуда-то сбоку возникла Мария и удержала.

- Куда вам, сеньора, прилягте. Шутка ли, больше суток на ногах, я все сама устрою. - Мария была единственной служанкой в замке, которая втихаря что-то смела возражать хозяйке.

- Что ты говоришь, Мария, как это - прилягте.

- Ладно. - Преодолевая слабое сопротивление Изабель, она усадила ее в кресло напротив кровати и, теперь уже не скрывая от меня своего влияния на сеньору, прокомментировала: - Отсюда тоже все хорошо будет видно, а я подам вам не воду, сеньор, а напиток.

- А может, не надо ему ведьмино питье подавать? - жалобно спросила Изабель.

- И сколько раз говорить вам, сеньора, лекарка она, лекарка. Она еще вашего отца когда-то от раны лечила, поэтому-то ее и привела. Видите, как сказала, так и получилось. Сейчас возьму чашу и помогу вам привстать, сеньор.

Не дожидаясь помощи, отмахнувшись от возражений раскудахтавшихся женщин, решил приподняться сам. Оперся на локоть - в голове молоточки стукнули громче, но ничего, на кровати уселся нормально, правда, слегка подташнивало.

- Где мы?

- В Толедо, милый.

- С тобой все нормально?

- Да, мой милый.

- Как там, мы победили?

- Конечно! Разве могло быть иначе?

- Ну да. Ну да. Какие-то крестьяне...

- А знаешь, Микаэль, это были не крестьяне. Это дезертиры во главе с некими братьями Гомес. Вот та мразь - Хулио, который посмел нацепить шпагу и выдать себя за дворянина, это младший из братьев. Старший брат - торговец, недавно разбогател и купил себе небольшое имение, там вся банда и пряталась. Сейчас мои кирасиры вместе с солдатами алькальда отправились выжигать это поганое бандитское гнездо.

- Что с людьми?

- Живы.

- Кроме вас еще пятеро ранены, сеньор, но увечных нет, - сказала Мария и подсунула под нос чашу с каким-то горьким пойлом. Ну и ладно, что горькое, зато мокрое. Капли потекли по подбородку, решил смахнуть и провел рукой по груди - ощутил саднящую боль. Опустил глаза и осмотрел себя - весь живот оказался сплошным синяком с особо темным пятном чуть ниже солнечного сплетения.

В этом месте у меня уже был когда-то синяк. В юности, на заре увлечения тайским боксом, более опытный спарринг-партнер нанес мне лоу-кик по мышце левого бедра, затем, уклонившись от его хука, умышленно вошел в клинч, но, потеряв мобильность от боли в бедре, атаку организовать не смог и не смог уйти от мощного удара коленом. Бил он меня жестко, и синяк получился неслабым. Конечно, боец тот - идиот порядочный, но науку его запомнил на всю жизнь. Со временем в «муай тай» или в свободных поединках (так правильно называется этот бокс) научился многому, по крайней мере, элементарных ошибок больше не делал, но

главное, воспитал характер. А занимался боксом очень и очень долго, считай, до старости. Зачем? А давал он мне правильный настрой – как физический, так и духовный; как по жизни, так и в бизнесе.

Синяк тот был поменьше этого, и не такой темный, но все равно после того боя дня на три я потерял стройность тела, ходил буквой «зю». Да и физически тогда был гораздо слабее себя нынешнего. А лет-то около шестнадцати и стукнуло, но выглядел сейчас, да, постарше, чем тогда.

После питья в голове чуть просветлело, и молотометр по кувалдометру стал лупить потише, а на глаза навалилась тяжесть. Изабель сидела в кресле и смотрела на меня во все глаза, как на чудо какое-то.

- Радость моя, наверное, сейчас усну. Иди к себе, отдохни, теперь я чувствую себя нормально, просто хочу спать.

- У-у, у-у, – отрицательно закачала головой.

- Сеньора, куда это годится, поспать нужно, видите, с дном Микаэлем теперь все хорошо, – уперев руки в боки, внушительно сказала Мария. – Ай! Не хотите уходить, тогда раздевайтесь и ложитесь здесь. Уж я покараулю!

Засыпая, почувствовал прикосновение теплого тела.

Спал опять же долго; проснулся, когда сквозь решетку окна на пол уже падали лучи полуденного солнца. Но это было не беспамятство, а всего лишь сон. Спал бы еще, но возмутился биологический будильник. Открыл глаза и не заметил в комнате никого, но как только стал выбираться из постели, дверь открылась и залетела Мария:

- Куда вы, сеньор?

- Пора вставать, в туалет хочу.

- Не надо куда-то ходить, – она наклонилась и вытащила огромный горшок, – давайте я подержу.

- Кыш, – отмахнулся, как от назойливой мухи, она была чем-то похожа на мою кормилицу (жива ли?), так же нахальна, поэтому отстранил и сказал: – Когда был без чувств, могла делать что угодно, даже прыгать сверху. А сейчас – кыш.

- Да-да, особенно в первый день, когда всякое непотребство летело из всех ваших дыр, вот тогда я напрыгалась, да, сеньор. Хорошо, что крови не было, ни в моче, ни в рвоте. А еще я вас отмыла мокрыми тряпками.

- Ладно, не бурчи, отблагодарю тебя, – стал не спеша одеваться, прислушиваясь к боли в теле и голове. Одежда была вычищена и лежала стопкой у кровати.

- Не надо мне никакой благодарности, вы лучше, сеньор, эту благодарность на девочку перенесите.

- На какую это девочку?

- Как же на какую? Да на дону Изабеллу! Ведь я еще совсем девчонкой к ним в замок была

взята, как только она родилась. С тех пор она росла на моих руках, жила на моих глазах. – Мария замолчала на некоторое время, потом так вопросительно на меня уставилась. – И как же ей теперь быть, а, сеньор?

– В каком смысле?

– Да в этом самом смысле, сеньор. С вами. А падре что скажет, – покачала она головой, помогая мне надеть белую, чистую рубашку. – Даже не представляю.

– Знаешь что, Мария. Мог бы сказать, что это не твоего ума дело, и послал бы подальше. Но не пошлю, из уважения и за твое отношение к ней и ко мне, – сказал, рассматривая на хубоне место попадания пули. Наружная, атласная сторона была аккуратно заштопана, а на внутренней – и следов никаких не имелось. Конструкция из многослойного натурального шелка оказалась настоящим бронежилетом, затем, взглянул на женщину, не удовлетворенную моим ответом, добавил: – Да, Мария, отмерено нам с Изабель совсем немного счастья, но счастье это для нас обоих – настоящее. И это все, что могу тебе сказать.

– Ваша правда, сеньор, любому человеку хочется получить хотя бы маленький кусочек счастья. – Она подняла голову, в ее глазах отражалась какая-то тоска.

– А что это за барахло валяется. – Вдруг увидел в углу чьи-то вещи. Подошел ближе и распознал отстиранный от крови и тщательно очищенный хубон, а рядом лежали ботфорты, шпага, дага и пояс Хулио.

– И никакое это не барахло, это серьезные, дорогостоящие вещи. Дон Луис сказал, что воронья кобыла этого разбойника тоже вашей считается. И ножи ваши нашлись метательные.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

[Купить полную версию книги](#)